

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Алекс Делаacruz

Необитаемый остров

«Автор»

2021

Делакруз А.

Необитаемый остров / А. Делакруз — «Автор», 2021

Когда достала унылая повседневность, стресс не дает трезво мыслить, а организм отчаянно требует отдыха, отправляйтесь в Таиланд! Удивительный экзотический курорт, комфортабельные бунгало, шум морского прибоя подарят вам незабываемый отдых! Если, конечно, ваш самолет не захватят, и вы не потерпите крушение вдали от цивилизации. Кто бы мог подумать, что в современном мире еще остались необитаемые острова, где можно действительно затеряться. Но именно это и случилось с группой русских туристов, оказавшихся в позабытой богом глуши на микроскопическом клочке суши посреди океана. Совершенно разные люди, у каждого – свой характер, у каждого – свой скелет в шкафу. Красивая молодая женщина Анна успешна в бизнесе, но совершенно несчастна в личной жизни. Ее дочь, трудный подросток Вероника, всеми силами старается избавиться от материнских нравоучений, еще не понимая, какую именно роль Анна играет в ее жизни. Совсем еще юный Женя, который вполне мог бы составить партию Нике, но заглядывается на ее мать. Зрелая женщина Ольга, знающая, кажется, все обо всем. Нарциссичный тренер Георгий, менеджер Антон. Сколько им придется торчать здесь в ожидании спасения? На что способны люди, оказавшиеся в безвыходной ситуации? И всем ли удастся покинуть злополучный остров?

© Делакруз А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Анна	5
Глава 2. Вероника	8
Глава 3. Анна и Ника	12
Глава 4. Анна	14
Глава 5. Евгений	18
Глава 6. Анна	20
Глава 7. Вероника	23
Глава 8. Анна	27
Глава 9. Анна	31
Глава 10. Остров	36
Глава 11. Евгений	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алекс Делакруз

Необитаемый остров

Глава 1. Анна

«Да заткнись ты уже!» – с раздражением посмотрела Ника в спину хлопотававшей у плиты матери. Анна взгляд почувствовала – обернувшись, но девушка успела закрыться от внимательных глаз рукой, поправляя непослушный локон.

– Вероника, пойми, я же стараюсь дать тебе для жизни все по максимуму, муму-му... – мать вновь принялась транслировать прерванную радиопередачу, развернувшись обратно к кухонному столу. Ее монотонное нравоучение воспринималось на слух раздражающим фоном, сродни писку невидимого комара. Ника поморщилась, дернув щекой, – дома она уже давно не чувствовала себя комфортно. Нигде, кроме своей комнаты; сейчас девушка уже жалела, что покинула уютное пространство и пришла сделать себе чай и пару бутербродов. Мать между тем, речитативом повторив старую песню о том, как воспитывала Нику с детских лет, отказывая себе во всем ради нее, продолжала капать на мозг.

Подумай, кем ты вырастешь. Тебе надо учиться, или ничего не добьешься в жизни. Должность продавщицы в магазине модной одежды не предел мечтаний. Я не смогу обеспечивать тебя всю жизнь. Тебе уже шестнадцать лет, посмотри на своих сверстников, все уже начинают определяться в жизни, а ты...

Одна и та же песня. Одно и то же нудное бормотание.

Раздражения внутри как-то вдруг стало слишком много, его уже было сложнее сдерживать. Раздражение на весь мир, на деревянных взрослых, на всех поучителей. На мать.

Да как же ты достала!

Упс. Кажется, она произнесла это вслух. Но слова сорвались сами по себе – мысль была озвучена секундным порывом даже раньше, чем обдумана. Ника не хотела это произносить. Но раздражение на весь окружающий мир нашло выход, сфокусировавшись на фигуре матери, которая дирижировала своей нудятиной, держа в правой руке совершенно дурацкую деревянную лопаточку.

– Что? – вкрадчиво переспросила Анна, резко оборачиваясь. Она уже услышала, но еще не осознала полностью смысл слов дочери.

Ника вздрогнула, ее кольнуло опасливым ощущением – не слишком ли сказанное для ее харизматичной матери. Но больше внутри было удовлетворения – осознания того, что она сумела задеть, болезненно ужалить; найти нужные слова, чтобы выплеснуть свое раздражение. Ника видела, ее слова не прошли даром – мать застыла с глуповатым выражением на лице. Как пропустивший удар боксер, с трудом замечающий перед собой мелькание рук рефери.

Сказанные слова тяжелой паузой зависли в воздухе. Несколько мгновений еще сохранялась надежда – что это послышалось, это случайно. Анна, наверное, даже простила бы, если бы дочь тотчас бы извинилась. Анна бы простила и постаралась забыть. Но Ника не извинилась.

Удовлетворение перевесило колкое опасение того, что сказанное было слишком жестко. Да и не очень сильное было опасение, затуманенное протестом ко всему окружающему миру, щедро одобренное желанием поскорей избавиться от монотонных нравоучений, юркнув в свой уютный маленький мирок. Делая вид, будто ничего не произошло, Ника убрала масло с сыром в холодильник. Она толкнула дверцу, закрывая, и обернулась к столу, где стояла кружка и тарелка с бутербродами.

– Черт, – резинка дверцы, наверное, даже чуть-чуть коснулась поверхности, но не задержалась. Развернувшись и направившись к выходу из кухни, Ника отшатнулась, едва в нее не

врезавшись. Пришлось остановиться, и раздражение внутри колыхнулось с новой силой – холодильник будто специально не отпускал ее с кухни, заставляя больше времени проводить под неприятным взглядом матери. Не отпускал в комнату, давая возможность вернуться в привычную жизнь, где никто не мешает и не капает на мозг дебильным чтением моралей.

Анна осталась стоять, отстраненно взирая на небольшую кляксу от чая на полу. Когда дочь вышла, она зажмурилась и невольно сжимала и разжимала кулаки. Лицо ее слегка искривилось – она закусила нижнюю губу, так что та побелела. Неожиданно раздался хлопок, заставивший вздрогнуть, – это Ника, поставив кружку и тарелку с бутербродами на стол перед компьютером, вернулась и захлопнула за собой дверь своей комнаты.

– Достала... – прошептала Анна беззвучно, одними губами. После этого, неловко дернувшись, прошла в прихожую и встала около зеркала.

– Достала? – уже вопросительно переспросила она и, сморгнув, оглядела себя в зеркало с ног до головы. И поджала губы.

Там, с обратной стороны, стояла темноволосая, стройная женщина, никак не выглядящая на свои тридцать три. Длинные волосы обрамляли красивое, чуть смуглое лицо с большими миндалевидными глазами, которые подчеркивал азиатский разлет бровей, а форма ярких, карминовых губ была такой, что, казалось, на них застыла слегка надменная усмешка. И растянутая домашняя футболка не разрушала, а инородно подчеркивала свою неуместность в образе уверенной и успешной женщины. Коей Анна, по сути, и являлась последние лет семь, будучи финансовым директором молодой, но уверенно присутствующей на рынке региона строительной компании.

– Достала?! – удивленно, даже изумленно спросила Анна сама себя.

С глаз будто зашоренность упала, и показалось невероятным, что ее, заставлявшую здоровых мужиков потеть от напряжения на план-фактах и совещаниях, а бухгалтеров – глотать успокоительные горстями, может мокрой тряпкой по полу мимоходом растереть несовершеннолетняя дочь.

Анна закрыла глаза, и перед глазами встали картинки прошлого – ранняя беременность, исчезнувший в ночи несостоявшийся папаша, который был на восемь лет старше; комната родителей в семейной общаге с обшарпанными стенами, постирушки пеленок в холодной воде; бессонные ночи, полный отказ от личной жизни и развлечений ради учебы и ребенка. Скоропостижная смерть отца и полное равнодушие матери, вкупе с отречением от воспитания нагулянной, как она выражалась, внучки. Пугающая самостоятельность, практически нищета и редкие, подобные праздникам возможности себя побаловать: да, было время, когда и обычные колбаса с сыром, не говоря уже о парной говядине, для нее считались невиданной роскошью. Да что говядина – растворимый кофе-то два года только в гостях пила, потому что на него денег не хватало. А на работе порошок три в одном из пакетиков за три рубля, которые тогда в каждом ларьке продавались.

Анна открыла глаза и снова сжала кулаки. Несколько раз глубоко вздохнув, унимая поднимающееся раздражение, она посмотрела в глаза своему отражению.

«Я ведь жила только ради нее», – подумала она и вздрогнула. Будто новым взглядом оглядев огромную прихожую, гардероб во всю стену, заглянув в проем двери на кухню, в которой виднелась разномастная бытовая техника и итальянский кухонный гарнитур стоимостью больше чем комната в общежитии, где она провела юность, Анна зажмурилась. Но тут же открыла глаза, испугавшись, что все сейчас исчезнет, пропадет, как морок, и она очнется в ободранной комнатухе с выцветшими, отклеивающимися в уголках фотообоями.

Естественно, квартира не исчезла, но пришел страх осознания того, в какую затюканную и бесцветную женщину она могла бы превратиться, если бы десять лет назад у нее не появился Стас. Тогда сразу задышалось легче – появилось время, возможности, спокойствие. Анна как воздуха свежего глотнула, закончила учебу, устроилась на работу. Стала тем, кем стала.

Стас спас ее – вытащил из ямы, в которую она сама себя загнала. И Анна жила после этого ради дочери и для него. Они ссорились с ним всего два раза. Один раз и много раз. По одному и тому же поводу – воспитание дочери. Стас в воспитание Вероники не лез, но считал, что Анна слишком сильно балует ее, что надо быть жестче. Анна же старалась предложить ребенку все то, чего не было в детстве у нее. Отдых, одежда, развлечения – все, чего она была лишена в грязные девятые годы, когда месяцами бегала в школу в одних и тех же протертых джинсах и растянутом китайском свитере, потому что других вещей просто не было. Когда, сжимая в руках смятую одинокую бумажку, решала, купить ли себе булочку на обед в школьной столовой или яркую заколку в ларьке Союзпечати.

И еще один, единственный и последний раз они поссорились, когда Стас уехал на войну. Это была не его война, она не хотела его туда отпускать. Молодой – едва за тридцать пять, успешный. Он мог так же в любой момент сорваться и направиться в какую угодно точку мира. Они так и делали несколько раз – к примеру, однажды увидели картинки карнавала в Рио, а через неделю уже полетели в Бразилию.

Но в последний раз он уехал на войну и не вернулся.

С того момента прошло уже больше года, но по-прежнему, стоило только вспомнить об этом, в горле вставал комок. Тогда, когда Анна поняла, что Стаса больше нет, казалось, жизнь ее закончилась. И, наверное, закончилась бы – так велико было потрясение, – если бы не дочь. Ради нее она справилась, устояла на ногах.

И вот теперь как. Достала.

Стараясь сохранять спокойствие и ясность мысли, Анна направилась было к кофеварке, но на полпути остановилась. Руки и так потряхивало мелкой дрожью, поэтому она взяла с полки пачку зеленого чая.

Надо немного успокоиться.

Нажав кнопку включения чайника, она присела за стол, но тут услышала приглушенный дверью звонкий голос дочери – та, как обычно, наверняка уткнулась в монитор, надев свои огромные наушники, и переговаривалась с такими же, как и она, игроками в онлайн-игры. Выдохнув, Анна поднялась и направилась в комнату дочери. Теперь ее походка вовсе не была такой неуверенной и согбенной, как это было пару минут назад. Но руки по-прежнему дрожали.

Без стука открыв дверь, Анна зашла внутрь.

– Ника, нам надо поговорить. Ника!

Глава 2. Вероника

Ника, уткнувшись в огромный экран монитора, на оклик не отреагировала. Она была сейчас полностью там, где для нее был совсем другой мир – фэнтезийный, яркий и радостный. Где никто не читал моралей и не доставал понапрасну. Где были герои и злодеи, дружба и ненависть, простые и понятные человеческие отношения – а не серость обыденных будней, подернутая пеленой городского смога и щедро сдобренная хмуростью лиц людской уличной массы. И там не было нудных учителей, готовых всему миру рассказать, как надо делать правильно.

В центре экрана нетерпеливо подпрыгивал персонаж Ники – эльфийка с магическим посохом и в зеленых одеждах, а вокруг по экрану пестрило яркими красками. Непосвященному человеку в нагромождении ярких красок и облепивших периферию экрана многочисленных окон, графиков и показателей разобраться было сложно. И неясно, что персонаж на экране – часть огромного мира, созданного тяжким и долгим трудом, нервами и бессонными ночами. Весь постоянный состав игровой гильдии, лучшие из лучших на многотысячном сервере, собрались в рейде, чтобы убить одного из боссов игровых подземелий. Здесь, по обратную сторону мониторов – открывающих окна в фэнтезийную вселенную, были сейчас самые разные люди – школьники, студенты, рабочие, водители, неработающие мамочки и работающие папы. Группа ждала последнего задерживающегося, переговаривались в командном чате.

Для Ники это был огромный и яркий мир, а для вошедшей в комнату Анны монитор отображал на экране только многочисленные, режущие глаз яркие картинки.

– Ника! – положила она дочери руку на плечо.

Девушка подпрыгнула и вскочила, разворачиваясь – только волосы взметнулись.

– Мам, ты чего? – с видимым раздражением сорвала она с головы наушники.

– Ника, нам надо поговорить.

Вероника открыла было рот, но осеклась. При взгляде на лицо матери она увидела что-то, что заставило ее немного задуматься – частично вынырнув из волшебства онлайн-мира.

– Мамуль, ну прости, я не подумала. Я случайно сказала, больше не буду, честно-честно. Ма, давай попозже поговорим, ладно?

Дочь решила пойти по пути наименьшего сопротивления. Рейд по игровым подземельям должен был вот-вот начаться, и она подумала, что попросить прощения будет лучшим выходом.

– Ника, я тебе сказала, нам надо поговорить... – тихим, бесцветным голосом произнесла Анна. Все труднее было контролировать себя, чтобы не зазвенел стальной дрожью голос.

– Ма, ну пожалуйста, давай попозже, – перебив мать, на секунду сложила руки на груди умоляющим жестом Ника и, улыбнувшись, надела наушники, возвращаясь к экрану. Улыбнулась не глазами, губами – мимика затронула только нижнюю часть ее лица. Холодная, неискренняя улыбка.

Ника присела обратно в кресло, направив взгляд сквозь монитор. За показным спокойствием и раскаянием она волновалась. Ведь если мать сейчас не отстанет, придется объяснять рейд-лидеру, почему... Так, вроде не придется. Ника чуть-чуть повернула голову, присматриваясь, – тень матери пропала. Девушка обернулась, на миг увидев шлейф движения, – мать вышла из комнаты.

«Фух», – облегченно выдохнула Ника, отворачиваясь к экрану.

За несколько секунд до этого Анна осмотрелась в комнате. Здесь царил полумрак – плотные шторы были задернуты; покрывало на кровати свернуто в сторону, по углам раскиданы подушки. Поискав глазами понизу и не найдя искомого, она кивнула сама себе и направилась к выходу. Резко, слишком резко, она толкнула дверь и за несколько шагов оказалась у распределительного щитка.

Когда надо, Анна умела быстро принимать решения и достигать их оптимальными путями. Сейчас ей надо было поговорить с дочерью. Ника уже говорила что-то в общий чат, как вдруг мягкий свет в ее комнате погас. Потемнел и монитор, мигнув последний раз.

– Что за... – сорвала она второй раз за последнюю минуту наушники с головы и взвилась с кресла, направляясь к двери.

– Мам, ты нормальная? Ты что творишь? – вылетела девушка разъяренной фурией в коридор.

– Ника, я сказала, нам надо поговорить, – спокойным голосом произнесла мать, глядя в раскрасневшееся лицо дочери, которое обрамляла паутинка спутанных сорванными наушниками волос.

– Мам, я же нормально попросила тебя, давай чуть попозже, – как ей казалось, примирительно, на несколько тонов ниже произнесла девушка.

– Ника, судя по твоим словам, я тебя достала, – не обращая внимания на реплику дочери, спокойно заговорила мать.

– Мам, ну я же...

– Тебя, наверное, – Анне пришлось чуть повысить все же зазвеневший сталью голос, перебивая юную девушку. – Тебя, наверное, достало то, что я тебе на карманные расходы даю столько, сколько не каждый взрослый зарабатывает?

– Мама, я...

– Может, тебя достало то, что я тебя кормлю и одеваю? – Анна резко шагнула вперед и прошла в комнату, едва не толкнув плечом дочь – та вовремя прынула в сторону.

– Или нет... тебя, может быть, достали дорогие гаджеты, которые ты меняешь с постоянной периодичностью? – мать схватила со стола яблочный планшет последней модели.

– А может, тебя достало учиться в самой престижной городской гимназии? Или тебя достало, что я туда ходила к директору на поклон уже два раза, чтобы тебя не выгнали?

Анне становилось все труднее сдерживаться. Голос ее уже не был тих, но она еще не кричала. Но говорила так, что от напряжения в ее голосе уже звенел воздух в комнате.

– Или может... – резкий поворот головы, и холодный взгляд зеленых глаз впился в лицо дочери. – Или может, тебя достало по два-три раза в год летать к морю на отдых? Нет? Я спрашиваю, что из этого тебя достало?

Резкий крик последних фраз хлестнул плеткой по ушам. Ника никогда не видела мать в таком состоянии и сейчас взирала на нее широко открытыми глазами.

– Я тебя спрашиваю? Это тебя достало? – шагнула вперед Анна, приподняв планшет на уровень глаз. – Отвечай! Да, нет?

– Нет, – одними губами прошептала дочь.

– Нет... – делано удивленно расширила глаза мать. – Значит, нет, – подытожила она, говоря уже ровным голосом. – Значит, ничего из того, что я для тебя делаю, тебя не достало. Тебя, получается, достала только сама я. Мне, наверное, надо тебя обувать, одевать, обеспечивать и при этом стараться не отсвечивать, чтобы тебя не доставать. Так?

Голос ее вновь стал негромким. Лучше бы ей продолжать кричать. Наполнявшее ее напряжение куда-то надо было выплеснуть. Но кричать Анна не привыкла – а внутреннего напряжения было слишком много. Потом, много позже – уже остывнув, она анализировала произошедшее и пришла к выводу, что стоило бы продолжать разговаривать на повышенных тонах и тогда произошедшего можно было бы избежать. Но она продолжала говорить негромко и не смогла сдержаться.

Ника не сразу поняла, что произошло. Мелькнуло в воздухе росчерком, и планшет врезался в экран монитора, оставив на том кляксовую паутинку трещин. И следом туда же метнулась Анна – она подскочила к столу, наклоняясь, и с неожиданной силой рванула на себя системный блок компьютера. Тот сопротивлялся – многочисленные провода вцепились в зад-

нюю панель, но Анна дернула сильнее, почти пробежав несколько шагов. Прянули по столу мышка, клавиатура, стукнулись друг об друга колонки, прежде чем нырнуть под стол, увлекаемые проводами.

– Неплохо устроилась, а? – со злостью отбросила мать в сторону системный блок.

– Ты что делаешь? – взвизгнула ошарашенная Ника и бросилась вперед. Она толкнула мать, когда та протянула руку к полке, на которой лежал смартфон.

– Ах ты! – от толчка мать отшатнулась.

– У тебя совсем башню рвануло?! Любовника себе найди, дура бешеная! – дочь уже едва не билась в истерике. Ведь яркий, единственный благожелательный к ней кусочек мира, который находился по ту сторону экрана монитора, только что был беспощадно разрушен.

Анна дернулась – слова дочери причинили ей почти физическую боль. Глаза ее сузились, губы сжались в тонкую нить, и она шагнула вперед.

– Не трогай меня! Уйди отсюда, уйди! – закричала Ника, отступая, обхватив руками голову и вцепившись пальцами себе в волосы. – Уйди, сука!

– Я уйди, – вдруг успокоилась Анна. – Я, значит, сука, и я уйти отсюда.

Ее охватило тянущее, ледяное спокойствие – даже дрожь из рук ушла.

– Еще какие пожелания? – поинтересовалась Анна и вновь шагнула к полке с серебристым прямоугольником смартфона – последнее, что она хотела сейчас сломать, разрывая порочный круг непонимания. Разорвать, растоптать вместе с ним все, чтобы попробовать начать все сначала.

– Уйди отсюда! – в истерике заорала Ника и бросилась на нее.

Девушке было шестнадцать, и она уже была с матерью одного роста. Ника хотела вытолкать ее из комнаты, но не учла того, что Анна банально сильнее. Плюс, у ее матери, выросшей в отнюдь не благополучном районе и учившейся в школе с плохой репутацией, был достаточный опыт школьных драк. Несмотря на то, что Анна старалась забыть, стереть все те годы из памяти, тело помнило, что надо делать. И кроме памяти действий, Анна следила за собой, выделяя достаточно много времени для посещения бассейна и спортзала, поддерживая себя в тонусе.

Ника даже не сразу поняла, что произошло, – кожу головы резко ожгло болью, комната перед глазами заметалась, и девушка полетела на пол. Бессвязно крича, она вскочила на ноги, замахиваясь на мать. В кулаке у той Ника мельком заметила клок светлых волос.

Ника завизжала от боли и злости, рванувшись назад. Послышался треск – мать держала ее за ткань футболки. Все психологические барьеры у девушки упали, и она из неудобного положения, склоненная, с опущенной головой ударила мать кулаком в живот. Та согнулась от удара, у нее перехватило дыхание, но сопротивление только добавило ей злости – невнятно и зло что-то прокричав, Анна швырнула дочь в сторону. Полетели прочь тетрадки, лотки для бумаг, лампа дневного света – Ника упала на свой рабочий стол. И только она выпрямилась, как получила сразу несколько хлестких пощечин.

– Ах ты тварь неблагодарная! – вслед за ударами летели слова Анны. Она, как и дочь, сорвалась с катушек – но пока еще не настолько, чтобы бить кулаками.

Ника отмахнулась, попытавшись закрыться и поймать руки матери, но у нее не получилось. Она осознала, что не может справиться с матерью, и согнулась, пытаясь закрыться от ударов. А та схватила ее за ткань футболки на спине и дернула на себя, швырнув на другую стену – ударившись о которую, Ника упала. Футболка у нее задралась, со спины собравшись комом на шее. Анна, схватив висящую на спинке стула толстовку, подскочила к дочери и несколько раз с отяжкой стегнула ее по голой спине.

Лежащая на полу взъеренная девушка неожиданно превратилась в слабую девочку. Она подтянула колени к груди и закрыла голову руками, вздрагивая от рыданий. Анна застыла с поднятой в замахе рукой, постояла так несколько мгновений, а после выдохнула и сделала

шаг назад. Ее забило крупной дрожью и, отбросив толстовку в сторону, она подошла к окну и раскрыла плотные шторы.

Комнату сразу заполнил яркий свет, нелицеприятно подчеркнув царивший здесь беспорядок. С отвращением глянув на мелькающую в солнечных лучах пыль, Анна несколько раз прошла туда-сюда рядом со столом, раздумывая и стараясь не наступать на связки проводов развороченного компьютера.

На дочь она не смотрела.

Глава 3. Анна и Ника

Около минуты в комнате царил тишина, нарушаемая лишь сдавленными рыданиями Ники. Чуть погодя девушка зашевелилась и села, прислонившись к стене, совершенно не замечая противного холодка по голой спине, открытой собранной комом у горла футболкой. Несколько раз всхлипнув, Ника растерла по лицу слезы и хлынувшие из носа сопли. От неприятного ощущения девушка дернулась, сморщилась и, подобравшись, вытерла футболкой лицо.

Расхристанные по мокрой коже волосы скользнули неприятными ощущениями, некоторые лезли в рот. Нике пришлось несколько раз провести по щекам ногтями, убирая прилипшие пряди. После этого простого действия она немного пришла в себя, наконец-то одернула футболку и поправила сбившийся в сторону бюстгальтер, наискось пережавший небольшую девичью грудь.

Понемногу к Нике возвращалось спрятавшееся было раздражение. Вернее, уже не раздражение – оно трансформировалось в озлобленность. Покрасневшими глазами девушка смотрела в пол перед собой, все продолжая шмыгать носом. Внутри все кипело. Раздражение и злость на весь мир нашли цель – они все больше проецировались на мать, обретая конкретные формы. Ника сама себе не могла бы в этом признаться, но внутри у нее сидело ощущение невозможности опровергнуть слова матери, осознание ее правоты – и это не просто злило, бесило. Кроме того, неожиданная сила всегда спокойной и корректной в словах и поступках матери вовсе выводила девушку из себя. Она хотела сейчас ее ударить, расцарапать, вцепиться ногтями в лицо, но понимала, что мать сильнее. От вернувшейся злости в горле собрался комок, настолько ощутимый, что даже дыхание перехватило.

Анна тоже смотрела перед собой, не глядя на дочь и не подозревая, о чем та думает. Мысли у самой Анны были совершенно другие. Только сейчас она со всей глубиной осознала, как потаканием капризам дочери навредила ее воспитанию. Необыкновенно красивое лицо Анны подергивалось в попытке удержать наползающую гримасу – от горечи и обиды хотелось плакать. Но понемногу Анна смогла взять себя в руки и сейчас прокручивала в уме варианты развития беседы – как часто делала перед важными переговорами. А в том, что сейчас должен состояться один из самых важных разговоров в ее жизни, сомнений не было.

«Ника, прости, я совершила много ошибок. То, что сейчас произошло, – это по большей части моя вина, хотя есть и доля твоей. Давай сейчас пойдем на кухню, попьем чаю и попробуем поговорить. Просто поговорить, начать все с чистого листа. Мы не чужие друг другу люди, более того, ты самый-самый дорогой мне человек и... что?»

– Что? – повторила она, услышав тихий голос своей дочери.

– Я в полицию пожалуюсь, – негромко, но четко повторила дочь, по-прежнему сидя возле стены и держа на коленях сжатые кулачки.

Анна закрыла глаза. Вдохнула, выдохнула, открыла глаза.

– И насчет чего же ты будешь жаловаться? – ледяным тоном поинтересовалась она у дочери.

– Что ты меня избил, – буркнула Ника, не поднимая глаз.

– Замечательно, – кивнув, покачала головой мать, спросив чуть погодя прежним ровным ледяным голосом: – А смысл этой жалобы будет в чем?

Ника молчала, поджав губы. Звонящая тишина повисла в комнате. Только отвратно клубилась пыль в ярких солнечных лучах, прорезающих комнату поперек.

– Я в этом не очень разбираюсь, – пожала плечами Анна. Голос ее сейчас был ровен и спокоен. – Но уголовки точно не будет, на тебе ни царапины, – продолжила она, – даже на административку не тянет, хотя, может, я и заплачу какой-нибудь штраф. Но не тебе, а государству. Тебя же направят к инспектору по делам несовершеннолетних, а он побеседует с тобой

и, если сочтет нужным, передаст дело в отдел опеки. Сюда придут с проверкой, меня, думаю, вызовут на беседу, нашу семью поставят на учет. Куча головной боли и нервов. И максимум из всего этого – меня могут лишить родительских прав. Что? – снова Ника что-то сказала, но она не услышала что.

– И замечательно.

– Повтори, пожалуйста, что ты сказала, – попросила Анна после долгой паузы.

– Замечательно, – Ника резко повернулась, и мать столкнулась с прищуренным взглядом красных, заплаканных глаз.

– Хорошо, – кивнула Анна. Поднявшись со стула, она быстро прошла всю комнату и встала у двери, толкнув ее так резко, что та звучно ударилась о стену.

– Одевайся.

Ника не отреагировала – она вновь вернулась взглядом в пространство перед собой.

– Я тебе сказала, одевайся, – чуть повысив голос, произнесла мать.

– Зачем? – Ника не смогла сдержаться, и ее голос заметно дал петуха.

– Одевайся и проваливай отсюда. Можешь идти сразу в полицию.

– Никуда я не пойду. Это моя квартира.

Анна глубоко вздохнула.

– Одевайся, или я выкину тебя вон прямо сейчас.

Было в голосе матери нечто, от чего Ника ей поверила. Девушка фыркнула, поднялась, сбросила футболку, рванув так, что ткань треснула. Избавившись от спортивных штанов, она подошла к шкафу. Резко дернутая полка хрустнула, выходя из пазов, и упала на пол, рассыпав одежду. Подобрав одну из футболок, Ника натянула ее, сняла с вешалки голубые джинсы, подняла валяющуюся на полу толстовку, которой совсем недавно мать ее хлестала, цепко схватила смартфон с полки и быстро прошла, почти пробежала мимо матери.

В прихожей она молча присела, обуваясь, а поднявшись, щелкнула открываемым замком. Дверь за собой она закрыть не потрудилась.

Некоторое время Анна пустым взглядом смотрела в светло-голубую стену коридора предквартирной прихожей. Потом медленно-медленно подошла, прикрыла дверь, мягко осела на пол и заплакала.

Она вообще редко плакала – старалась не показывать свою уязвимость. А если и плакала, то делала это всегда тихо – в уголке туалета или дома, спрятав лицо в подушку. Но сейчас она рыдала навзрыд, сидя на коврик в прихожей, не замечая мешающихся ей под подогнутыми ногами сапог.

Одному из самых важных разговоров в ее жизни сегодня состояться не удалось.

Глава 4. Анна

Сколько времени прошло в рыданиях на коврике в прихожей, ясно сказать она бы не смогла. Когда понемногу пришло осознание того, что сидеть на полу, в общем-то, неудобно, Анна поднялась и направилась на кухню. В голове будто пусто, а на мир она взирала безразличными глазами. Внутри, за пустотой, плескалось только разочарование от того, что она потеряла, упустила дочь. И от этого было особенно горько.

Подойдя к бару, Анна достала оттуда початую бутылку виски, покупавшуюся для гостей и стоявшую с прошлого Нового года, свернула крышку и налила напиток прямо в кружку, заполнив ее больше чем наполовину.

Выпила она не все – после третьего глотка горло стянуло спазмом, в носшибанул сивушный дух, и ей стоило большого труда сдержать позывы пищевода вернуть выпитое обратно. Скривившись, Анна схватила стоявший рядом кувшин – не обращая внимания на проливающуюся мимо воду, которая оставляла мокрые разводы на футболке. От воды привкус алкоголя во рту стал еще резче, неприятнее.

Поставив громко стукнувшийся кувшин на стол, Анна поморщилась. Но почти сразу же внутри, в желудке, появилось ощущение теплоты, которая постепенно растекалась по всему телу. Анна постояла немного, после чего запустила руку в волосы, вынимая заколку, и встряхнула головой – иссиня-черные, чуть выющиеся локоны рассыпались по плечам. Положив заколку на столешницу, она направилась в ванную, на ходу снимая и отбрасывая футболку.

Под душем Анна стояла долго. Когда от тепла и выпитого алкоголя у нее начали слипаться глаза, она начала перемежать горячую воду, почти кипятком, с холодными, практически ледяными струями. Посвежев после контрастного душа, Анна выбралась из ванной. Машинально взяв полотенце, очень долго вытиралась с закрытыми глазами. Мыслей почти никаких не было, в груди тянуло пустотой.

Нагой Анна вышла в коридор, направляясь в свою комнату, но у большого зеркала в гардеробной задержалась. Замерев, она осмотрела себя с головы до ног.

«Любовника себе заведи, дура», – прозвучали в голове обидные слова дочери, так больно ужалившие ее совсем недавно. Сейчас, впрочем, внутри было настолько пусто, что никакого отголоска эмоций она практически не ощутила – кроме горечи. Но посмотрела на себя чужим взглядом.

Тонкая талия, плоский живот, крутые очертания бедер – особенно если вот так изогнуться, подбоченившись. Вот только грудь за последние годы потеряла девичий задор, но зато, чуть опустившись с возрастом, приобрела более мягкие, женственные очертания.

Выпрямившись, вздернув носик, Анна воздушно провела рукой себе от левой ключицы до правого бедра, невольно втянув при этом живот от легкого прикосновения.

Красива, успешна, несчастна – вынесла она сама себе вердикт и направилась на кухню. Тепло внутри, подаренное порцией виски, уже рассосалось, трансформировавшись тяжестью в теле, но оставив после себя раскрепощенность мыслей. Как была, голая, Анна подошла к столу, где стояла кружка с недопитым виски, в два глотка прикончила напиток, в этот раз не запивая, а просто задержав дыхание и утеревшись запястьем. Отдышавшись, она все же направилась в свою комнату.

Забравшись под одеяло, свернувшись под ним калачиком и некоторое время лежала. У нее по-прежнему царила гнетущая пустота как внутри, так и снаружи.

Зачем теперь жить?

С этим вопросом она неожиданно для себя заснула.

Проснувшись Анна как-то вдруг и, моргнув сонно пару раз, поморщилась от неприятной сухости во рту. Потянувшись, с удовольствием чувствуя ласкающую мягкость постельного

белья, вдруг замерла. Полежала несколько секунд, надеясь, что появившиеся воспоминания – это всего лишь дурной сон.

Отбросив одеяло, Анна рывком поднялась с постели. Ее сразу повело, а под бровями изнутри навалилась болью тяжесть. Сморщившись, Анна выпрямилась, взяла из шкафа ночную рубашку и, накинув ее, прошла на кухню. Увидев бутылку виски на столе, брошенный на половине приготовления ужин – нарезанные овощи на разделочной доске, сковородку на плите, мигающую мультиварку, она уже окончательно осознала, что произошедшее ей не приснилось.

Часы на стене показывали «21:33». Прекрасный пятничный вечер.

Открыв холодильник и вскрыв пачку сока, Анна хотела было приложиться к ней, но покачала головой, поджав губы.

– Хватит уже! – подойдя к мойке, Анна взяла стакан и налила сок в него. Запив неприятный привкус во рту, она пошла в ванную, где почистила зубы, и после, взяв свой телефон, присела на кухонный диван. Пролистав список контактов, нашла нужный номер: «Мама Светы». Несколько секунд подумав, готовясь к разговору, нажала на кнопку вызова.

В динамике громко заиграла часто крутящаяся на радио популярная мелодия – дернув щекой, Анна чуть отставила телефон в сторону, чтобы музыка неприятно не долбила в ухо.

Три секунды. Пять секунд. Десять секунд. Опустив телефон перед собой, Анна вздохнула и собралась было скинуть звонок, но тут на том конце приняли вызов.

– Алло, Елена? Здравствуйте! Простите, пожалуйста, за столь поздний звонок, это Анна, мама Вероники, подруги вашей дочери, Светланы. Помните, мы с вами общались в апреле, на ее дне рождения? – на одном дыхании произнесла она.

– Анна, здравствуйте! Конечно, я вас помню!

– Елена, еще раз простите за беспокойство, но...

– Анюта, та не стоит, о чем вы говорите! Звоните, наверное, за дочку спросить?

Анна невольно поморщилась при «звоните» – правда, не придав этому особого внимания: Елена Калбанова была дородной женщиной, с грубоватыми чертами лица. Ее густая харизма и прямоватый напор, легко переходящий в хамоватость, ощущались даже по телефону. Но насколько она могла быть беспощадна в суждении и отношении к неприятным ей людям, настолько с широкой душой встречала людей, которых считала хорошими. Муж Елены, как и сама Анна, работал в строительном бизнесе, будучи совладельцем крупного холдинга, а Елена исполняла роль матери и хранительницы домашнего очага. Света, подруга Вероники, была ее старшей дочерью.

Калбановы обитали в коттеджном поселке за городом. Оттуда Елена возила детей в детский сад и школу Южного – самого престижного городского района, в котором жила Анна. В детский сад их дочери, Ника и Света, ходили вместе, вместе пошли и в школу, в один класс. Девочки были лучшими подругами, много и часто общались, но так получилось, что их мамы встречались очень редко. За все годы и пары десятков раз не набралось – в основном на родительских собраниях, да два месяца назад Анна приехала за Никой поздно вечером к Елене домой, где ее дочь Светлана устраивала праздник в честь своего шестнадцатилетия. Приехала, но уехала не сразу – распоряжающаяся дома Елена сначала накормила ее за праздничным столом, а потом женщины, так непохожие друг на друга, слегка пообщались. Вернее, общалась в основном Елена, Анна же все больше кивала.

– Да, я по поводу доче... – попыталась между тем она объясниться, но была прервана.

– Да, была она у нас! – Елена редко утруждала себя в том, чтобы дослушать собеседника. – Приходила, взъерошенная, как галка, они со Светкой час не вылезали, все шушукались у себя в комнате.

Анна только порывалась что-то сказать, но Елена не давала вставить ей и слова.

– Дала джазу, да, твоя свиристелка? – продолжала между тем Елена, четко прочувствовав ситуацию, ведь опыта воспитания детей у нее было на порядок больше, чем у Анны. – Да ты не волнуйся, все по плану, давно пора. Девки гулять сейчас ушли, к одиннадцати будут – ты ж понимаешь, у меня все строго. Так что давай, не волнуйся, переночует твоя Ника у нас, чего разборки наводить, а завтра утром подъедешь, заберешь, как раз твоя переспит, успокоится, мысли дурные поутихнут.

В разговоре Елена уже спокойно и естественно для себя перешла с Анной на «ты», не поинтересовавшись ее мнением.

– Елена, спасибо вам большое...

– Та не за что, о чем ты говоришь! Давай, Анюта, у меня тут муж пришел, кормить его надо, кабана. Я те позвоню, как девки нарисуются, уж не волнуйся. Давай, пока-пока.

Услышав в трубке короткие гудки, Анна положила телефон на стол и, усевшись поудобнее, поджав ноги и накрывшись пледом, вгляделась отстраненным взглядом в пространство. Так она и сидела, мимоходом отмечая пустоту, которая никуда не ушла, и отсутствие всяких мысли. Как отрезало. Да и не хотелось ни о чем думать.

Через десяток минут Анна устала от тишины и потянулась за пультом от телевизора, даже не посмотрев, на каком канале он ожил, наполнив кухню звуком. Не обращая внимания на монотонное бормотание, Анна просидела еще некоторое время, а после провалилась в легкую, неспокойную дрему.

Разбудил ее телефонный мягкий перезвон – оповещение об смс. Вскинувшись сквозь дрему и отбросив плед, Анна потянулась к столу и, сонно шурясь, всмотрелась в экран. Взгляд выхватил время: «23:18». Посмотреть, от кого сообщение, не успела – заиграла мелодия вызова.

«Мама Светы» – заполнила надпись дисплей.

– Да, слушаю, – голос со сна был чужим, хриплым.

– Аллю, Анечка, зая моя, у нас плохие новости.

– Какие? – беззвучно выдохнула Анна.

– Пришла, значит, пигалица моя домой. Одна пришла, курица драная. Где твоя Ника, не колется. Расстались они, говорит, разошлись. Не то что знает и молчит, а точно не знает, я уж тебе точно говорю – у меня не забалуешь, если б знала, то сказала. Но говорит, что уехала Ника кататься куда-то со своими знакомыми. А моя-то хоть и ветер в голове, ты ж понимаешь, но у нее-то ума хватило с ними не ехать, а твою-то Нику удержать не смогла. Вот такое дело. И трубку-то твоя не берет – я и со Светкиного ей телефона звонила.

Анна зажмурилась, пытаясь решить, что сейчас надо делать.

Гнетущая пустота внутри никуда не ушла, но она понимала, что сейчас Нику надо найти, потому что в таком состоянии и при таких обстоятельствах она точно может натворить дел. Но Елена уже все решила за нее – она знала, что делать.

– Слушай, я тебе только что с эсэмэской телефон скинула, позвони. Короче, зовут его Женя, пасынок мой, немного старше твоей, в одной гимназии с ней учился. Я-то, понимаешь, позвонить ему не могу – мы с ним немного в ссоре и семейном недопонимании. Но ты позвони. Так-то он мальчик хороший, скажи, что от меня. Он-то хоть и хороший, да дома уже год как не живет, всю местную шваль знает. Скажи ему, что твоя Ника уехала с каким-то... как его зовут? – голос слегка отдалился, но прозвучал громче. – С каким-то Андреем Чесноковым она уехала, на белой восьмерке с салатовыми бамперами. Скажешь ему это, он наверняка поймет кто, найдет твою Нику. Давай, Анюта, звони ему, а после мне перезвони.

– Спасибо, я... – начала было говорить Анна, но Елена уже сбросила вызов.

Посмотрев сообщение, Анна набрала указанный там номер. Вопреки опасениям, на звонок ответили почти сразу.

«Ну да, немного старше – сколько ему – семнадцать? – подумала про себя Анна. – Лето, вечер, пятница – куда уж в таком возрасте спать в это время».

– Же... Евгений? – не сразу решила, как к нему обращаться, Анна.

– Да, я.

– Евгений, здравствуйте, меня зовут Анна. Пару минут уделите?

– Давайте попробуем, – прозвучало на том конце провода. Анна едва-едва взметнула брови – если бы не узнаваемый юношеский оттенок в голосе, можно было бы подумать, что трубку взял не подросток. Настолько рассудителен был тон ответов.

– Женя, я мама девушки, Вероники, она в четвертой гимназии учится, в девятом «А» классе. Танцует, на конкурсах городских побеждала пару раз, может быть знаешь такую? – Анна сама только что непроизвольно перешла с собеседником на «ты», как и Елена недавно в разговоре с ней.

Юноша на том конце провода между тем немного помолчал.

– Может быть, и знаю. А в чем вопрос?

– Женя, мы с ней сегодня немного поссорились, и она сейчас не дома. Ты, думаю, можешь понять, что я за нее волнуюсь, а она в таком состоянии, что может натворить глупостей. У меня к тебе просьба – помоги ее найти, – Анна вздохнула. – Она уехала кататься с неким Андреем Чесноковым на белой восьмерке с салатовыми бамперами.

– Откуда вы мой телефон узнали?

– Мне его дала Елена Калбанова, мы с ней хорошие знакомые.

На другом конце трубки воцарилась тишина.

– Женя, помоги, пожалуйста. Я за нее очень волнуюсь, – неожиданно для себя произнесла Анна, заполняя паузу.

– Хорошо, – ответил ей спокойный голос с обратной стороны телефона, – ждите, сейчас я попробую и перезвоню.

– Отлично, спасибо, – сказала Анна, но в трубке уже коротко пиликало гудками.

Посидев немного, она поднялась с дивана, поставила чайник и, понемногу приходя в себя, убралась со стола, а после направилась к раковине, полной посуды. Но стоило только ей отрегулировать нужную температуру воды, как раздалась мелодия вызова.

Наскоро вытерев руки, она подскочила к столу и, увидев знакомое сочетание цифр, пару раз провела мокрым пальцем по дисплею – жидкость размазывалась по экрану, и телефон отказывался реагировать на прикосновения.

– Аллю! Да! – произнесла она взволнованно.

– Анна, по поводу вашей дочери. Я ее нашел.

– Где она?

– Вам адрес надо сказать?

Анна подумала всего пару мгновений. Она понимала, что встреча с дочерью сейчас, и особенно попытка увезти ее домой, вряд ли приведет к чему-либо хорошему.

– Евгений. Знаете что. Скажите мне, пожалуйста, как матери, – Ника в нормальном состоянии? Ей ничего не угрожает? Ну, вы понимаете, о чем я. Она там трезвая, пьяная – ни о чем жалеть не будет после? И вот еще что. Если честно, я не хотела бы за ней приезжать именно сейчас – если все в порядке.

Глава 5. Евгений

Женя, который находился от Анны в нескольких километрах, вздохнул и поднял глаза, всматриваясь в звездное небо. Чтобы найти ее дочь, Веронику, никаких усилий ему не потребовалось – он просто вышел из дома и зашел в соседний подъезд, где жил Чесноков, которого больше называли кличкой Чинарь.

Искомую девятиклассницу, Веронику, персонально он не знал. Ну, может, мелькала она в школе, конечно, но внимания особо не обращал. Но когда увидел сейчас, сразу понял, что это она – девушка до этого в компании Чинаря не появлялась и выглядела довольно свежо для обшарпанных стен квартиры, принадлежащей бывшему детдомовцу. В коей, собственно, кроме хозяев, перманентно проживало еще от трех до десяти его знакомых, а иногда и вовсе случайных людей.

Танцевала Вероника, кстати, хорошо. Выглядела она на свои шестнадцать – не больше, но ее тело уже успело округлиться там, где необходимо для того, чтобы услаждать взгляды раззадоренной алкоголем молодежи. К тому же школа танцев не прошла даром. Пластика у девушки была такая, что смотрели на нее парни не отрываясь, подбадривая и требуя исполнить танец пчелок. А вот присутствующие девушки – в квартире, как обычно, собралась немаленькая компания – наблюдали за новенькой гостьей с плохо скрываемой злобой и презрением. Но Вероника, глаза которой уже помутнели от выпитого, замечала только восторженное внимание противоположного пола.

Женя мысленно прикинул – вариантов развития событий для девушки было, в общем-то, немного. Либо у нее сейчас состоится пьяный секс – и хорошо, если с кем-нибудь одним (только что два гостя Чеснокова на балконе обсуждали перспективу подпоить девочку и на групповуху раскрутить), либо после спровоцированной ссоры эта Ника качественно получит от присутствующих дам постарше по лицу. А еще, вполне возможно, случится и то, и другое. В произвольной последовательности, а может даже и неоднократно.

– Анна, знаете что, – произнес он в трубку после недолгого раздумья. – Ваша дочь сейчас чуть-чуть трезва, и, думаю, вам стоит приехать за ней как можно скорее. И обязательно с мужем. Запишите адрес.

Продиктовав, Женя закончил разговор и вернулся в квартиру. Здесь былолюдно, тесно и весело. Музыка заполняла все пространство, но играла не очень громко – чтобы не было повода у соседей вызвать полицию. Походив по квартире, Женя устроился в уголке со смутно знакомым парнем, разговаривая на отвлеченные темы.

Минут через двадцать в дверь квартиры раздался настойчивый звонок. Мало кто обратил на него внимание, но Женя слегка вскинулся. Пока его собеседник пьяно объяснял ему свою единственно верную точку зрения, парень отстраненно кивал, глядя на то, как хозяин квартиры пошел в прихожую. Некоторое время раздавался его голос, а потом дверь отворилась.

Женя поднялся и направился туда же. Собеседник все продолжал говорить, сжимая в руке бутылку пива, даже не заметив, что Женя ушел и больше не принимает участия в разговоре.

По пути он едва не столкнулся с вошедшей. То, что это мать танцующей на столе полуголой Ники, которая уже успела снять с себя весь верх, кроме бюстгалтера, и сейчас боролась с пуговицей на поясе джинсов, сомнений не было. Но Женя оторопел – настолько сильно эта женщина не вписывалась в местный антураж; она как будто сошла с глянцевого обложки журнала – невероятно красивая, стройная, с блестящими черными волосами, рассыпанными по плечам. Она шла звонко стуча каблуками по высохшему деревянному паркету, привлекая к себе всеобщее внимание.

Когда рядом появился Женя, гостя на миг запнулась – парень невольно преградил ей дорогу, был на голову выше, и, кроме того, его скуластое лицо уродовал косой шрам, полумесяцем пересекавший половину лба. Но, встретившись с Женей взглядом, Анна поняла, что разговаривала по телефону с ним. Мимолетным кивком подтвердив узнавание, она прошла мимо, направляясь к столу с Никой.

– Ой, а это что за баба пришла?! – приподнялась на диване одна из девиц.

– Чинарь, ты антиквариатом увлекся? – подала голос вторая.

Женя поморщился – по сравнению с вошедшей, все присутствующие здесь девчонки для него казались потрепанными курицами перед белым лебедем.

«Анна. Ее зовут Анна», – вспомнил он.

Гостя между тем, не обратив внимания на девиц, засмеявшихся остроте своей шутки прокуренным смехом, остановилась перед столом с танцующей дочерью.

– Это кто? – спросил Женя невзначай хозяина квартиры, который как раз проходил мимо с кислым лицом.

– Да... – сморщился еще сильнее Чесноков. – Сказала, это дочь ее несовершеннолетняя и что она сейчас полицию вызовет.

– И что?

– Что «и что?» Мне оно надо? – отвернулся Андрей к тумбочке, взял оттуда пепельницу из пивной банки и звучно, но аккуратно, чтобы пепел не взвился, туда сплюнул, а после посмотрел на Женю: – Сказал ей, что пусть тогда сама забирает, если так хочет... черт, а я уже настроился ее на любовь развести, – вздохнул он и махнул рукой: – Ай, ладно, хоть кино сейчас посмотрим.

В этот момент со стола раздались пьяные истеричные крики – танцующая Ника наконец сообразила, кто перед ней, и не оставила это без внимания, сообщая матери о том, что никуда уходить с ней не собирается, еще и без прикрас рассказывая всем вокруг все, что думает о ее неожиданном визите.

Глава 6. Анна

– Анечка, мой Кабан сказал, что найдет того, кто это видео выложил, и руки ему пообрывает.

Слово «кабан» применительно к своему мужу Елена произносила с нежностью и нескрываемой любовью.

– Елена, да не надо...

– Как это не надо! В следующий раз думать будут, уроды малолетние!

Анна потупилась и вздохнула. Очень стыдно и неприятно – видео безобразной сцены того, как она пыталась забрать Нику из квартиры с гуляющей молодежью, уже на следующее утро попало в интернет. Причем стало настолько популярным, что даже на городском портале появилась заметка с провокационным заголовком: «Матери и дочери: Бизнес-леди пытается уgomонить свое нетрезвое чадо». В заметке была довольно сухо, но с некоторой долей злорадства и иронии изложена суть происшествия, а также дана ссылка на видео.

– У тебя и на работе небось уже в курсе все? – поинтересовалась Елена.

Прямо ее никто не спрашивал и даже не намекал, но Анна уже не один и не два раза и в центральном офисе, и в филиалах наткнулась на суетливо отведенные взгляды и понимала, что злосчастное видео посмотрели многие. В Городе хоть и было населения больше полумиллиона человек, но недавнее событие, благодаря опубликованному в интернете видео, стало достаточным поводом всеобщих пересудов, сделавшись одной из актуальных тем для сплетен. От осознания этого все просто валилось из рук.

– Та ладно, не грузись ты уже. Скажи, со свиристелкой ты как со своей?

– Вроде нормально пока, – пожала плечами Анна, – я с ней поговорила, очень осторожно. Пока общаемся мало, но она вроде доброжелательная, спокойная, за компьютером своим больше не сидит ночами...

– Вот. И я тут что подумала, кстати. Ты как влажность и жару переносишь? Чисто гипотетически?

– Да нормально, – отстраненно ответила Анна, пожав плечами.

– Отлично! Ты давай это, бери отпуск и полетели с нами.

– Куда полетели? – чуть не поперхнулась чаем Анна и подняла глаза, отставив маленькую кружку на стеклянный столик.

– Куда-куда? В Таиланд, мы туда уже двенадцать лет летаем каждый год. У нас там дача – арендуем виллу на все лето и живем. То прилетит кто-нибудь, то улетит. Давай-давай, не маши головой, тут без вариантов – сама же сказала, тебе на работе сложно сейчас.

– А...

– Все давай, в понедельник на работу поедешь, договаривайся, бери отпуск. Не-не-не, никаких возражений. Как ты сказала – ты мне очень благодарна? Вот и давай, отрабатывай. Я как сказала, что ты с дочкой с нами полетишь, даже этот обормот, прости господи, желание изъяснил поехать. На твою козу небось засматривается.

– Кто? – от недоумения шепотом спросила Анна.

– Евгений Валентинович, епть. Заходил тут наемдни в гости, поговорили мы с ним хоть за год первый раз более-менее нормально.

Анна не сразу поняла, о ком речь, но вдруг в ее памяти всплыл голос в телефоне и обезображенное шрамом лицо юноши, виденное в полумраке квартиры.

– А вы с ним из-за чего не общались? – осторожно поинтересовалась Анна. Вспоминая общение с рассудительным парнем, она недоумевала, каким образом они с мачехой не нашли общий язык.

– Он у меня хоккеем занимался, придурок, – произнесла Елена, но, хотя она и назвала своего пасынка придурком, в голосе ее чувствовалась гордость: – И так занимался, что в Череповец уехал, в спортшколу. Заиграл – кубки, медали, на юниорский чемпионат мира ездил. А потом на мопеде разбился, черт.

Елена произнесла это «черт» жирно, звучно, сказав даже не «черт», а «чорт», и в голосе ее слышалась плохо скрываемая ненависть. Но Анна почувствовала, что это чувства не к приемному сыну, а скорее к обстоятельствам.

Повисло недолгое молчание. Анна не хотела говорить первой, а Елена, сощурившись, смотрела в пространство.

– Врачи собрали его, дурака. Видела у него шрам на роже? Вот, то-то. Но рожа херня – у него ноги переломаны были, полгода в больнице провалялся. Я тоже дура. Мне бы настоять, чтобы он сразу учиться пошел – хоккеем-то все, тью! В школе здесь его надо было восстановить, а я разрешила ему весну и лето догулять. Думаю, пусть развеется, все равно год потерян. Дура-дурой, ай. У этого, кроме клюшки с шайбой, ума-то в голове и ни на грецкий орех не было! Он ведь что: бухать начал, во все тяжкие пустился. Девки, клубы – куда только за ними не ездил, когда все местные дискотеки перетоптал. Я ему денег давать перестала, а он всех тут послал по мне, по матушке то бишь, и из дома ушел. Поэтому-то тебе его телефон и дала – пару месяцев дома не жил, всю шваль местную знает. Хорошо Кабан с ним общий язык нашел – как с мужиком, – в голосе Елены вновь появилась гордость.

– Он же типа из семьи ушел, а Кабан с ним как поговорил, он у него сейчас на стройке подрабатывает, вроде за ум взялся понемногу, учиться дальше собирается. Ну, Кабан-то ему еще денег подкидывает, чтобы я типа не знала, ага.

– Так вы помирились? – осторожно поинтересовалась Анна.

– Да нет пока, я ж те говорю! – даже стукнула ладонью по спинке дивана Елена. – Вот и давай, полетели. Ты со своей козой будешь отношения заново выстраивать, а я с этим дураком, прости господи, хоть пообщаюсь, может общий язык найду. Мы к тому же на вилле будем, народу там немного вокруг – чтоб наши девки приключений лишних на свои юные жопы не нашли. Ну а мы с тобой и выберемся куда, а? С такой дивчиной, как ты, может, и мне нормальный мужичок в кавалеры перепадет, – заговорщицки ухмыльнулась Елена.

– Так а... Валентин не поедет? – понизив голос, спросила Анна.

– Кабан-то? Да ты что, у него лето – самая стройка. Может, прилетит на пару дней, но не факт, как говорят воспитанные люди. К тому же он себе новую королевишну нашел, ухаживает, подарки дарит, как мы улетим, так и охмурит, думаю.

– Елена, а вы не боитесь? – еще сильнее понизила голос удивленная сказанным Анна. – Ну, что он... ну...

– Я? Боюсь? – Елена вдруг громко и раскатисто захохотала, да так, что у нее даже слезы выступили. – Ой брось ты, чего бояться-то? – смахнула она их аккуратно толстым пальцем. – Пускай погуляет, дырки чужие поисследует – может, и найдет поперечную! Что он с очередной кралей между делом в обществе появится, это ж и хорошо – всем видно, мужик! А что он меня бросит, так это фантастика. Во-первых, у нас бизнес пополамный, а во-вторых – он же меня любит, дуреха, ну куда он без меня?!

Елена выпрямилась и подбоченилась. Анна невольно залюбовалась – ее собеседница сейчас была невероятно похожа на купчиху за чаем с картины Кустодиева.

– Я ж эту его новую прошмандовку уже обсмотрела со всех сторон, – снова развалилась на низком кресле Елена. – Куда ей! Ни жопы, ни рожи, а мозгов тем более. Не, Кабан если может уйти, то только к умной, вот как ты. Но к тебе он не уйдет – готовить наверняка не умеешь, да и у тебя ж мослы одни, подержаться не за что...

Анна с трудом удержала на лице бесстрастное выражение. Толстушкой она не была, но природа наградила ее широкими бедрами, да и грудь была гордого второго с половиной раз-

мера – «поддержаться», как выразилась Елена, было за что. И приходилось постоянно трудиться в спортзале, чтобы согнать валики с бедер и намечающееся пузико, появлявшееся, стоило только позволить себе послабление в тренировках и еде.

– Ну а если я узнаю, что кто-то его увести может, – голос Елены неожиданно потерял свою извечную смешливость и практически неистребимый плавный оттенок говора. – Если узнаю, я этой курице просто шею сверну. Вот так, – Елена подняла руки со сжатыми кулаками, поднимая воображаемую птицу, резким движением сворачивая ей шею.

У Анны холодок по спине прошел. Она поняла, что Елена никоим образом сейчас не шутит. И действительно свернет шею.

– Анна, зая моя, ну что ты так смотришь? Вроде взрослая уже баба, а таких простых вещей не понимаешь. Неужели до сих пор в мужиках разбираться не научилась – скока у тебя их было-то?

Совершенно неожиданно на Анну накатило забытой новизной невероятное чувство: она сейчас обсуждала невероятно личные проблемы. Покопавшись в себе, Анна поняла причину удивления. Последний раз разговоры с подругами на этот счет у нее происходили еще в школе, когда она была ненамного старше своей дочери сейчас. А после ранней беременности большинство ее забыли или понемногу просто свели общение на нет. И тогда это было так болезненно, что она больше никого к себе близко не подпускала.

– Короче, ладно, – после паузы переменила тон Елена, – давай звони лососю своему, предупреждай. Если не отпустит хотя бы на две недели, мне скажешь, я с ним поговорю.

– Владимиру Петровичу? – удивилась Анна, поняв, что Елена говорит про генерального директора ее компании по фамилии Лосев.

– Ну а кому же? – довольная произведенным эффектом, усмехнулась Елена. – Давай, звони-звони. И надо будет потом свиристелке сообщить. Где она сейчас, кстати?

– На танцы поехала.

– Ну, приедет к нам тогда после танцулек своих. Сейчас я Светке позвоню, пусть обрадуется. Все, вопрос решен, и не смотри на меня так, взглядом испуганной лани! Давай, поехали-поехали.

Глава 7. Вероника

– Поехали, поехали, – одновременно с хлопком двери произнесла Ника, разворачиваясь и закидывая спортивную сумку на заднее сиденье. Рыкнув двигателем, восьмерка дернулась вперед, чиркнув по асфальту шипами зимней резины – не очень уместной в июне месяце. Несколько прохожих на тротуаре обернулись вслед громко означившей своей отъезд аляповато раскрашенной машине.

– Андрей, давай куда-нибудь подальше, а? И чтоб не было никого вокруг, – попросила Вероника, вытягиваясь на переднем сиденье и чуть опускаясь, устраиваясь удобнее и прикуривая сигарету, изо всех сил стараясь казаться взрослой.

Парень кивнул и, крутанув колесико громкости на магнитоле, порулил из города под громкие звуки бешено зашедшихся в ритме музыки динамиков. Через пару минут восьмерка уже свернула на одну из проселочных дорог в лесопарке на окраине. Скрипнули тормоза, машина остановилась. Щелкнул центральный замок, и Андрей чуть толкнул дверь, открывая. В машине кондиционера не было, а солнышко припекало серьезно – даже здесь, под сенью деревьев, воздух был ленивым от жары. И сразу, как открылась дверь, нагретую полуденным солнцем тишину редкого леса наполнили громкие звуки музыки.

После Чесноков повернулся к Нике, потянувшись и едва не ложась на руль – ночью он работал, а сегодня поспать еще не успел, так что его тело тянуло усталостью.

– Ну, рассказывай, что за дело, – посмотрел он на пассажирку.

Вероника чуть нервно сглотнула, посмотрев на него, а после перевела взгляд на магнитола. Переключив музыку с режима воспроизведения диска, она нашла радиостанцию с негромкой спокойной музыкой и вдруг прянула к полулежащему на руле парню. Тот, в общем-то, подспудно ожидавший подобного развития событий, выпрямился, и в его губы тут же жадно впились поцелуем.

Целовалась Ника не очень умело. Зато страстно и сосредоточенно.

Несколько минут они просто обнимались, после чего Вероника оторвалась от губ парня, который не собирался форсировать события, и потянула через голову майку, оставшись в бюстгальтере.

Андрей молча смотрел на девушку со спокойным, немного ироничным выражением, а та, опустив заалевшее румянцем лицо, сама расстегнула застёжку, явив свету небольшую красивую девичью грудь. Парень удовлетворенно кивнул и вдруг наклонился. Подергав железку снизу, он толкнулся ногами, максимально отодвигая назад водительское кресло. Выпрямившись, он слегка улыбнулся и привлек девушку к себе, хозяйски исследовав ладонями ее грудь. Ника начала было расстегивать на нем рубашку, но он отстранил девушку от себя и, мягко запустив руку ей в волосы, надавил на затылок, опуская ее голову вниз.

Вероника невнятно ойкнула, попыталась отстраниться, но рука держала ее хоть и мягко, но крепко. Андрей быстро выгнулся, перенес вес тела на плечи и ступни, а второй рукой одним движением спустил с себя штаны вместе с трусами.

Вероника не рассчитывала на такое развитие событий. Уперевшись рукой в голое бедро, куцыми завитушками волос и молочной белизной напоминавшее куриные окорочка в витрине, она несколько мгновений раздумывала, а после вздохнула и согласилась с неизбежным для нее решением. Ведь иного варианта сблизиться с парнем у нее не было. Закрыв глаза, задерживая дыхание, девушка приоткрыла рот и поддалась мягкому нажиму.

Почувствовав снизу горячие, но неопытные губы, Андрей усмехнулся, покачав головой и периодически морщась от то и дело скользящих царапающих ощущений прикосновений зубов. По-прежнему держа руку на затылке Ники, направляя ее движения, он потянулся за сигаретами на торпедо и выудил одну из пачки.

– Эй-эй, зубами полегче, – прикуривая, все же не выдержал Андрей, когда неумелая, но старательная Ника царапнула его особо сильно.

Почти в тот момент, когда закончилась сигарета, приятно закончилось и действо. Для Андрея приятно – Вероника же попробовала отстраниться, даже замычала, пытаясь вырваться, но рука держала крепко.

Через пару секунд, расслабленно выдохнув, Андрей отпустил руку, а Вероника выпрямилась пружиной. Лицо ее, искривленное гримасой отвращения, которую она не в силах была скрыть, горело румянцем, девушка часто и глубоко дышала.

– Закури, – протянул ей парень дымящуюся сигарету, которую Ника прикончила за три затяжки.

– На, – только она выкинула окурок в окно, протянул он ей лимонад. И только когда девушка запрокинула голову, запивая произошедшее, парень снова выгнулся, натягивая штаны.

– Ты вообще огонь, – с удовлетворенной гримасой кивнул Андрей, прикуривая вторую сигарету – поморщившись от жжения в небе.

Вероника посидела немного, приходя в себя и борясь с эмоциями. Не так она представляла развитие событий – далеко не так, и сейчас была раздосадована на себя. И так было противно внутри, что ей уже не по силам было сыграть безудержное желание и раскрутить парня на секс, как она первоначально рассчитывала. Но отступать Вероника не собиралась.

– Андрей... – она кашлянула, не сразу справившись с голосом. – Андрей, скажи, ты хочешь денег заработать?

– Конечно хочу, – откинувшись в кресле, ответил Андрей, жадно и с удовольствием затягиваясь. – Много?

– Сто тысяч, – произнесла Вероника.

Парень после небольшой паузы открыл глаза, затянулся и, медленно приподнявшись, посмотрел пассажирке в глаза.

– Что сделать надо?

– Надо одну бабу завалить, – голос Вероники даже не дрогнул.

– Хм, и я даже по ходу догадываюсь кого, – усмехнулся Чесноков и, отвернувшись в окно, вперился в редколесье невидящим взглядом.

– Да, ее. В квартире не вариант, у нас консьержка и видеонаблюдение, – торопливо заговорила Вероника, с трудом сохраняя ровный голос. – Можно будет или на даче, или на дороге по пути к ней. А еще лучше – и вовсе на кладбище, когда она на могилу к своему бывшему поедет. Там ей вообще можно пистолет к голове приставить – у нас дома есть, как раз от него остался, и будет типа самоубийство. Она по нему тоскует уже больше года, даже не мутит ни с кем с того времени... – последняя идея пришла девушке в голову только что, неожиданно, показавшись невероятно удачной и стройной. Ника от возбуждения даже стала меньше опасаться отрицательной реакции Андрея и возможных последствий.

Парень молчал, и Вероника начала понемногу нервничать.

– Андрей. Так ты как, согласен? Если нет, то этого разговора не было.

– У тебя есть сто тысяч? – обернулся он к девушке.

– Сейчас у меня есть тридцать. Не здесь, дома. Плюс ко всему, когда она... когда она покончит жизнь самоубийством... – при этих словах Нику изнутри окатило неожиданно приятной дрожью, сравнимой с эйфорией сексуального возбуждения, – я достану деньги из ее записок, у нее много. И ты понимаешь, наши отношения уже таковы, что мне нет смысла тебя обманывать, – последняя фраза была Вероникой придумана давно, она повторяла ее не один десяток раз, тренируя интонацию укрощенной, но все еще строптивой кошки. Правда, привкус во рту до сих пор стоял настолько мерзкий, что с интонацией совершенно не получилось.

– Тридцатка у тебя дома, да? – поинтересовался Андрей.

– Да.

– Хорошо. Значит так. С этого дня мы с тобой на людях больше не показываемся. Завтра или послезавтра у школы, на заднем дворе, под старым контейнером – который в землю почти врос, там еще «мусор 46» написано, возьмешь пакетик с симкой. Там будет забит один номер, звони мне только на него. И нарисуй сейчас примерно, где могила этого бывшего, я съезжу, осмотрюсь.

– Окей, – посветлев лицом, кивнула Ника. От деловитости и собранности Чеснокова ее наполнили сплошь позитивные эмоции и предчувствие беспроблемности мероприятия.

У Анны (Ника теперь даже про себя не называла ее матерью) были неплохие сбережения и три квартиры – две в Городе, а одна в Петербурге, причем в центре – от Стаса досталась, и сейчас за нее ежемесячно приходила плата от съемщика. Плюс ко всему, жизнь Анны была застрахована компанией, где она работала, на крупную сумму. Так что ее смерть принесет очень неплохие дивиденды, которыми распорядиться будет она, Вероника.

Если все получится. Нет, вернее, когда все получится.

– У тебя деньги есть? – вывел девушку из задумчивости голос Андрея.

– В смысле? – не поняла она.

– Деньги, на такси? До дома сейчас доехать?

– Ну да, есть, – чуть настороженно кивнула Ника.

– Я сейчас поеду тогда, а ты повозюкайся тут коленками по траве, локти тоже себе испачкай. На трассу выйдешь, машину поймаешь до дома. А домой когда приедешь, подружке своей расскажи по секрету, что я тебя трахнуть пытался, а ты отбрыкалась. Это для того, чтобы не думали, что мы общаемся. Поняла?

– Поняла, – немного рассеянно кивнула Ника, слегка обескураженная поворотом событий. – А мы еще увидимся? – вспомнила она о своей продуманной роли и потянулась, притягательно изогнувшись, заставив Андрея устремить на себя взгляд – все-таки девушкой она была очень красивой.

– Конечно, увидимся, – расплылся он в щербатой улыбке, окинув Нику взглядом с головы до ног.

Вероника была красивой. В ней чувствовалась стать, и она выгодно отличалась от остальных подруг Андрея.

– Ладно, я тогда пойду... возюкаться, – удовлетворившись произведенным эффектом, кивнула Ника.

– Давай, на созвоне, – отвернулся Андрей, отрегулировав сиденье обратно и заводя машину. Когда закрытая Никой дверь хлопнула, он обернулся и под завывания коробки поехал на задней передаче обратно, в сторону трассы. Вдруг скрипнули тормоза, и Ника подобралась в ожидании. Но Андрей, не глядя на нее, достал с заднего сиденья спортивную сумку и через водительское окно, полностью открытое, плюхнул ее на землю. Чуть погодя снова завыл двигатель, и белая восьмерка замелькала среди деревьев, удаляясь в сторону трассы.

– Урод, – скривилась Ника, как только машина исчезла из вида. Девушка сплюнула раз, другой. И еще несколько раз. А потом еще выговорилаась вволю, вспоминая те ругательства, которые знала.

Локти и коленки она себе портить не стала. Хотя в ее планах и было угрожать сообщением о попытке изнасилования со стороны Чеснокова. Но не сейчас, а тогда, когда ей будет удобно. Вот только сегодня он ее знатно прокинул – но ничего. Посмотрим еще, кто по итогу будет в шоколаде, – ощерилась Вероника, подхватывая с земли свою сумку.

Выместив ругательствами злость унижения, она зашагала по лесному проселку в сторону дороги, вынашивая планы мести, которая когда-нибудь состоится.

Домой Ника сразу не поехала, а направилась в коттедж Калбановых, где была через двадцать минут, поймав на трассе частника за пару сотен. И с порога ее встретила прыгающая от радости Светка:

– Ника, Ника! Ты почему трубку не берешь, а? Прикинь тема, офигеешь сейчас!

– Какая тема? – удивилась Вероника. И неясной пока «теме» удивилась, и тому, что совсем забыла про телефон в кармане, который до сих пор стоял на беззвучном режиме.

– Прикинь, мы все вместе в Тай летим! Круто, да?

– Куда, блин?

– В Таиланд, блин! Почти на месяц! На виллу нашу! Ну, не нашу, мы ее снимаем как дачу! Все вместе, прикинь, – ты, я, маман твоя, моя и, как обычно, еще народа целая...

– Что? – нахмурилась Ника, перебив Свету – уже понимая, в чем дело, но совершенно не разделяя радостного предчувствия подруги.

Глава 8. Анна

Гидросамолет оказался совсем небольшим – будто игрушечным. Ощущения полета на пассажирском лайнере и этой машинке отличались в той же мере, как отличаются ощущения поездки на представительской машине по ровной трассе и кроссовом мотоцикле по грунтовке. Кроме того, Анна, хотя и путешествовала часто, летать боялась. Боялась – но никогда этого не показывала. Сейчас же ее и вовсе едва не било крупной нервной дрожью – салон гидросамолета был ненамного больше салона микроавтобуса, в котором они приехали в док.

Анна и до этого чувствовала себя не очень хорошо. В тропический рай она привезла с собой летнюю простуду, мерзкими когтями вцепившуюся в ее ослабленный переживаниями организм. Но когда двигатель гидросамолета громко затарахтел винтом и машина закачалась на водной глади, отлипнув от пирса, ей стало совсем худо. От сдерживаемого в себе страха и напряжения вернулась головная боль, погашенная было таблеткой, в горле появился противный ком. Лишь неимоверным усилием Анна смогла справиться с собой, кое-как обуздав страх, готовящийся перейти в панику.

Последние несколько суток для нее сложились в непрекращающийся калейдоскоп: суэта пересадки в Москве, прямой перелет в Бангкок, поездка до Паттайи. С учетом того, что Анна спать в самолетах не могла, прибытие в отель она почти не помнила. Вроде и бодрствовала, но находилась практически в полубессознательном состоянии. И путешествие еще не кончилось – Паттайя, как оказалось, была лишь промежуточным пунктом. Здесь, в заранее оговоренном отеле приглашенные на отдых друзья четы Калбановых встречались, кто-то на пару дней погружался в ночную жизнь курорта, кто-то просто валялся на пляже, акклиматизируясь и покрываясь равномерным загаром, прежде чем выдвинуться на Самуи – как правило, на зафрахтованном гидросамолете.

Позавчера, прибыв в отель и упав на кровать в выделенном ей бунгало, Анна проспала едва ли не двадцать часов. Проснувшись она разбитой и больной, но все же сходилась на пляж, искупалась и чуть позагорала. Здесь она хоть как-то познакомилась с некоторыми из компании, которую семья Калбановых собирала на арендованной вилле каждое лето.

Со слов Елены (которую абсолютно все, кстати, – друзья, знакомые, дети и муж называли не иначе как «мама Лена»), здесь была далеко не вся компания – кто-то еще не прилетел, кто-то, наоборот, был уже на вилле. Но и так народа было достаточно. Создавали много шума Вероника и Светлана, постоянно теряясь и обнаруживаясь в разных торговых лавках. Незаметно приходил и уходил Женя, который хорошо знал и город, и окрестности отеля, где они остановились. Так что его никто не искал и не беспокоился. Еще была достаточно взрослая пара – невысокий темноволосый мужчина со статной, заметно выше его светловолосой женщиной. Оба выглядели лет на тридцать пять. Олег и Ольга, супруги, партнеры Калбановых по бизнесу. Еще было несколько калбановских племянников и прочих родственников, среди которых выделялся Георгий – крупный спортивный парень с подтянутой подругой, чье имя Анна, конечно же, не запомнила. Но она и Георгия бы не запомнила, если бы не его примечательная внешность – распирающий футболку торс, бугры накачанных мускулов на плечах и короткий рыжий ежик волос, огненный окрас которого переходил на веснушки лица.

Друзей и родственников у Калбановых было не просто много, а очень много. Хотя не все, конечно, прилетали на целое лето: кто-то на десять дней, кто на пару недель и лишь немногие оставались на более длительный срок. Места хватало, вилла была немаленьких размеров. Туда можно было добраться и на комфортабельном автобусе с паромом, но дорога занимала более десяти часов. Поэтому все, в принципе, предпочитали даже не регулярные рейсы, а предложенное Калбановыми удобство зафрахтованного гидросамолета.

Все, кроме Анны, конечно. Но она давным-давно научилась преодолевать ужас перед полетами и решила не выделяться из коллектива. Но сейчас уже жалела об этом, прислонившись виском к иллюминатору, мечтая и молясь о том, чтобы полет на этом утлом суденышке поскорей закончился. Хотя он даже еще и не начался – только-только затарахтели, прогреваясь, двигатели.

Еще одной неприятностью для Анны было то, что в салоне не было хорошо знакомых людей. Елена осталась в Паттайе. Она должна была полететь на виллу последней и только завтра – дожидалась свою двоюродную сестру с мужем. Вместе с ней добровольно-принудительно осталась дочь Света, и решил лететь днем позже почему-то муж Ольги – той самой запомнившейся Анне высокой дамы, которая сейчас в хвосте самолета заразительно смеялась шуткам в компании молодежи. Кроме нее, старше тридцати лет там был только Антон, высокий, с явно выделяющимися залысинами мужчина из круга друзей Калбановых. Как подозревала Анна, Елена взяла его специально для нее. Даже сейчас, после того как она его позавчера вежливо осадила в ухаживаниях, Анна несколько раз ловила на себе его взгляды. В них ей виделась не только заинтересованность, но и тень какой-то хозяйственности, что ли, вызывающая у Анны легкое раздражение.

– С вами все в порядке? – перебивая гулкий рокот, неожиданно послышался рядом голос. Анна обернулась и посмотрела на аккуратно подсевшего к ней, на самый краешек соседнего кресла, Женю, во взгляде которого читалось участие.

– Да, все хорошо, – произнесла сиплым голосом Анна, радуясь, что на ней зеркальные солнцезащитные очки в пол-лица и парень не может увидеть выражения ее глаз – красные наверняка, слезящиеся.

– Уверены? – после этих слов парня Анна поймала себя на мысли, что лицо его, пусть и обезображенное широким рваным шрамом, по-юному свежо и красиво. Еще раз Анна порадовалась, что Женя не видит ее взгляда, и с трудом сдержалась, чтобы не улыбнуться – юноша смотрел так внимательно, с неподдельным беспокойством.

«Какой трогательный мальчик», – с теплотой подумала Анна, отворачиваясь к иллюминатору. Но самолет начал разбег по воде, и она повернулась обратно. Не выдержав, Анна непроизвольно схватила Женю за руку, а он придвинулся поближе и накрыл ее ладонь своей. Анна закрыла глаза, борясь с испугом, – и несколько минут, пока самолет набирал высоту, сидела очень прямо.

– Вы бледная очень, с вами точно все в порядке? – когда линия моря в иллюминаторе выровнялась, спросил Женя, глядя на свое отражение в зеркальных очках.

– Заболела, – призналась вдруг Анна, – простудилась, еще дома.

– Может, к доктору надо?

– Нет, это ангина. У меня в аптечке таблетки есть, антибиотики. Как прилетим, приму, сразу все пройдет.

Женя молча кивнул, по-прежнему держа ее за руку.

– Спасибо, – улыбнулась ему Анна, чуть сжав его ладонь, увидев, как парень неожиданно покраснел и отвел глаза. Вздохнув и улыбнувшись, она смотрела на него, отстраняясь от полета и вспоминая, как он вчера возник будто из ниоткуда и встал чуть впереди ее плеча, когда на выходе из бара отеля к ней попытались клеиться два не совсем трезвых постояльца. Анна и сама осадила пристававшего, но, судя по виду Жени, он вот-вот готов был кинуться с подвыпившими кавалерами в драку.

Самолет между тем под радостные возгласы пассажиров в хвосте накренился, меняя курс. И, как обычно, после резкого маневра преследующие Анну навязчивые мысли обрели новую силу. Ей казалось, что сейчас обязательно или отвалится крыло, или выйдет из строя двигатель, или ошибется пилот, после чего самолет обязательно разобьется. На пассажирских лайнерах она обычно утешалась, вспоминая процент аварийности полетов, убеждая себя, что

по статистике путешествие самолетом гораздо безопаснее поездки на такси до аэропорта. Но сейчас самолет практически не отличался от машины! При взлете он громко хрустел и поскрипывал, а сейчас тарахтел почти так же, как мотоцикл деда, к которому Анна невероятно давно, кажется еще в прошлой жизни, маленькой ездила в деревню.

Но прошло всего несколько минут, и спасительная мысль была найдена – самолет летит небыстро, к тому же это гидросамолет, и, если что-нибудь случится, они приземлятся на воду и все будет хорошо. Сглотнув, невольно сжав руку Жени, Анна вновь посмотрела в иллюминатор. Удивительно чудесное зрелище – сотканное из разных рваных оттенков лазури покрывало моря притягивало взгляд глубиной яркости красок. Ничего страшного – продолжила Анна успокаивать сама себя – самолет приземлится на воду, а даже если утонет, все выживут и будут плавать в теплой воде, пока не придет помощь.

Или пока не приплывут акулы.

Анна едва не выругалась. Ее уже мутило и слегка подташнивало, к тому же она чувствовала, как на лбу выступили бисеринки пота – в салоне было душно. Кроме этого, еще и горло, периодически першившее последние дни, уже с утра болело так, что с трудом удалось проглотить завтрак. И до сих пор болеть не прекращало, несмотря на пакетик порошка, похожий на лекарство, выпитый сегодня утром.

Закрыв глаза, Анна попыталась отключиться, но с закрытыми глазами острее чувствовалась вибрация самолета и громче слышался рокот винтового двигателя. Вздохнув, Анна открыла глаза, глядя сквозь приоткрытую дверь в пилотскую кабину. Еще один момент, из-за которого самолет похож на обыкновенный автобус, – здесь было видно пилота за штурвалом в кабине. Где, кстати, почти с самого вылета находился смуглокожий, будто высохший помощник – но не в летной форме. Помощник периодически нервно переговаривался с пилотом на быстром языке.

«Может быть, это не второй пилот? Может, это террорист, и он самолет захватил?» – опять вернулись тяжкие предчувствия. Тут же Анна попыталась осадить себя, отогнать назойливые опасения. Она глубоко вздохнула, пытаясь справиться с собой. Медленно выдохнув, она зажмурилась под стеклами очков, а открыв глаза, уставилась в спинку кресла. Единственные моменты в отдыхе, когда она, покинув родной город, жалела, что не осталась дома, были перелеты, заполнявшие всю ее страхом и пугающими напрасными предчувствиями.

Вот только в этот раз предчувствия опасности были у нее совсем не напрасны. Но, пока не догадываясь об этом, Анна все же сумела кое-как отключиться от мира, впав в слегка мутноватое состояние полудремы. Но не полностью, более-менее сохраняя ясность мыслей. И в этом состоянии к ней пожаловали непрошенные воспоминания. Не особо приятные, но Анна не стала пытаться отогнать всплывающие в памяти образы – уж лучше они, чем навязчивый страх катастрофы.

– Анна. Анна, – негромко позвал ее Женя, чуть сжав руку, и та заполошно вскинулась, выходя из состояния полудремы.

– Анна, а у вас телефон далеко? – наклонившись к самому ее уху, спросил Женя.

– Телефон? – Анна зажмурилась, приходя в себя, и, сфокусировав взгляд на Жене, ответила: – Телефон в сумочке, а что?

– Можете дать, эсэмэску написать?

– В чем дело? – Анна, глядя Жене в глаза, потянулась за сумочкой.

– Ну, так... – замялся парень.

– Говори, в чем дело, – выпрямилась Анна, стряхивая с себя болезненное оцепенение и заговорив твердым голосом.

– Мы, кажется, не туда летим, – спокойно сообщил Женя и пояснил: – Я в ваш иллюминатор периодически землю вижу, а ее с этой стороны не должно быть – нам же Сиамский залив пересечь надо. Да и этот перец странный, – сделал он движение глазами в сторону кабины, –

даже полетную карту ни разу в руки не взял. Мутный какой-то, а пилот явно нервничает, когда он к нему обращается. Да не смотрите вы на него...

Но было поздно – Анна после слов Жени машинально заглянула в кабину, как раз с ее места именно второй пилот был хорошо виден, а тот, почувствовав взгляд, обернулся и посмотрел прямо на нее. Анна в этот момент, по выражению его глаз, поняла, что Женья вряд ли ошибается – точно происходит что-то нехорошее. Но она, не стушевавшись, выдержала взгляд – хотя сердце ее замерло, а чуть погодя отвела глаза и как ни в чем не бывало уставилась в иллюминатор.

Глава 9. Анна

– Кому ты собрался писать... – выждав паузу, потянула было Анна телефон из сумки.

– Анна... – зашипел вдруг Женя, заметив движение, и она замерла. А подозрительный второй летчик (или не летчик) поднялся и встал в проходе. Он, вроде бы отвернувшись, по всей видимости, наблюдал за Анной краем глаза. Сощурившись, странный мужчина посмотрел на Анну, потом на ее руку с телефоном и что-то сказал.

– Сорри, ай донт андестенд, – дернула она подбородком. В ответ ей вновь послышалась резкая, с агрессивными интонациями дробленая речь. Фыркнув еще парой фраз, подозрительный тип кинул взгляд через плечо, на пилота. Встал он в этот момент неестественно, и Анна поняла, что он прячет правую руку. В этот момент самолет рыскнул носом, и она сквозь лобовое стекло увидела зелень острова посреди бескрайнего простора водной глади.

Вдруг салон самолета резко поменял положение в пространстве – пилот всем телом налег на штурвал, положив самолет на крыло. Анна закричала и изо всех сил вцепилась в сиденье. Она была пристегнута, и на живот навалилась тяжесть тела, повисшего на тканевой нитке ремня. Она захрипела, увидев, как мелькнули ботинки подозрительного типа, услышала громкие крики пилота. С хвоста самолета раздались хлопки, звуки падающих предметов, крики боли – далеко не все там были пристегнуты. В этот момент легкий самолетик выпрямился, но тут же дернулся, опять заваливаясь, – переложив штурвал, пилот накренил его в другую сторону. Рядом раздалось несколько сухих хлопков, потянуло резким сладковатым дымком, и тут Анна увидела в руке «второго пилота» пистолет. Поймав момент, когда самолет на миг выпрямился, он, лежа в проходе и зацепившись за кресла, смог выстрелить два или три раза, целясь в летчика за штурвалом. В салон сразу же с хрустом стекла ворвались усиленные звуки полета – одна из пуль разбила остекление кабины. И самолет вдруг клюнул носом вниз, сваливаясь в неконтролируемое падение.

Осознав необратимость происходящего, Анна не выдержала. Внутри нее разорванной плотиной поднялась волна паники, вытесняя сознание, и она завизжала от страха. Самолет дернулся в последний раз – пилот, на спине которого расплывалась красная клякса, в последнем усилии поднялся, пытаясь выпрямить машину, потянув на себя штурвал. Это движение всех и спасло – вместо того чтобы неуправляемым булыжником войти в воду, самолет выпрямился и ударился об воду под острым углом.

Салон дернуло, перекосило от удара, раздался хруст рвущегося железа. На находившихся внутри людей хлынула вода – самолет переломился пополам. В вихре белой пены закрутило рядом и пронесло тело угонщика, убившего пилота. Анна вскинула руки, пытаясь закрыть лицо, отстраниться от происходящего, но испуганно дернулась – ее ладони были все в крови. Крик замер, прекратившись, – в груди кончился воздух. Анна открыла рот, вдыхая, но тут ей в лицо плеснуло солеными брызгами, а после ударило по всему телу – отвалившаяся носовая часть самолета начала погружаться, заполняясь водой. Анна, все же сохраняя остатки разума, опустила руки и дернула застежку ремня, затеребив ее, та никак не хотела открываться. Вдруг она почувствовала на себе прикосновения рук. Но, повернув голову, не сразу увидела, кто это – ее длинные волосы, не убранные в хвост, воспарили шлейфом в воде, заполнившей салон, мешаясь. Но через пару мгновений Анна поняла, что рядом Женя – он, нащупав ее ремень, отбросил в сторону ее руки с пряжки. Тут же рвануло резкой болью предплечье – расстегнув ремень, выдернул ее с сиденья и запустил вверх, к разломанному проему в центре салона самолета.

Анна, распахнув глаза, видела все вокруг в голубой мгле, то тут, то там расчерченной завихрениями пузырьков. Носовая часть самолета, где они находились, уже целиком погрузилась под воду. Заработав руками, она проплыла пару метров по салону, схватилась рукой за

рванный край обшивки и всем телом рванулась вверх, туда, где сквозь толщу воды проглядывали искрящиеся на поверхности солнечные лучи. Чувствуя, как обжигает изнутри легкие недостаток воздуха, она сделала еще несколько гребков и, прорвав головой поверхность, вырвалась наверх. И только сейчас глубоко вздохнула.

Легкие заполнил воздух, принес с собой облегчение. Всего на мгновение – вырвавшаяся толчком на поверхность Анна, судорожно вздохнув, опустилась вниз и глотнула немало воды. Тут же ее вывернуло, скрутило, и она закашлялась, барахтаясь на поверхности, пытаясь одновременно и вздохнуть, и исторгнуть из себя горькую морскую воду. Вода пошла носом, так что неприятно ожгло слизистую, но Анна сильнее заработала ногами, удерживаясь на поверхности.

Успокоив наконец дыхание, она повернулась – закрутившись в воде, осматриваясь вокруг. На море было легкое волнение, и ей пришлось вытягивать шею, активнее работая руками и ногами, удерживаясь на поверхности. Хотя прошло всего ничего времени, в мышцах уже чувствовалась усталость. Анна, обычно полная жизненных сил, последние пару дней и так чувствовала себя вялой, а тут еще и некстати подхваченная простуда. В голове шумело от удара о кресло при падении, руки и ноги уже начали казаться набитыми ватой, движения не были легкими – еще и чувствовалась облепившая тело стягивающая ткань одежды. На Анне была длинная и легкая асимметричная туника с длинными рукавами, которая сейчас вовсе не казалась легкой. От ощущений окутывающей ее пелерины ткани Анна на мгновение почувствовала себя медузой, все продолжая осматриваться. Она едва не выпрыгивала из воды – изнутри так и стучали молоточки страха – что остров ей привиделся, что они оказались в центре безбрежного моря. В тот момент, когда совсем рядом заметила зеленые очертания острова, паника отступила (спасена!), но ее молнией пронзила мысль: «Вероника. Где Вероника?!»

– Ника! Ника, ты где?! – что было сил закричала Анна. Забыв про усталость и боль, она сильно заработала руками и ногами, пытаясь приподняться над водой, осмотреться.

– Ника... – уже негромко выдохнула Анна и застонала.

Чуть отдышавшись, она опустила лицо в воду и открыла глаза. На нее снова накатила голубоватая пелена, сквозь которую было расплывчато видно дно. Там, на довольно большой глубине, лежала носовая часть самолета – а вот хвоста видно не было. Подняв голову из воды, Анна вздохнула и, уже чувствуя тяжесть в ногах, легла на спину. Ласковое море сразу обняло ее, в ушах зашумело, и все вокруг заполнил яркий солнечный свет, проникающий даже сквозь смещенные веки, – а из звуков остался только громкий и гулкий шум дыхания. Неожиданно в плечо ей уткнулось что-то мягкое, одновременно уколов. Анна вскрикнула от неожиданности, отпрянув. Развернувшись, она поняла, что ее плеча коснулся один из всплывших кусков обшивки самолета.

Анна выпрямилась в воде и, жадно вдохнув, опустила голову в воду, открыв глаза. За секунду она в голубой пелене увидела очертания самолета, но сейчас там все было уже не так четко, как в прошлый раз. Между дном и поверхностью болтались обломки, вещи, бесформенные тканевые кляксы – в одной из них Анна узнала рисунок обшивки сиденья фюзеляжа. Неподалеку мелькнуло темной массой, и она прыгнула в воду, отшатываясь. Но это был Женя. Показавшись над водой, он сипло вздохнул, а после часто и жадно задышал. Придя в себя, он подплыл к Анне и, оказавшись совсем рядом, показал ей на остров.

– Доплывете?

Она не стала отвечать, просто часто закивала. Она сейчас думала только о том, где Вероника, что с ней. Перед глазами стояли последние мгновения до того, как самолет погрузился в воду, воспоминания о хрусте и скрежете сминаемой, рвущейся обшивки. Анна вспомнила, как перекосило ровный овал иллюминатора, выдавив оттуда стекло, как слышались крики ужаса и боли из хвоста салона.

«Где Вероника?!»

Анна невольно всхлипнула, но взяла себя в руки и, развернувшись, поплыла в сторону острова. С каждым гребком она тяжело дышала, выгибая шею и стараясь не глотнуть воды. Было непросто, море шло легким волнением, под которое надо было еще подстроиться. И с каждым гребком все сильнее наваливалась неотвратимая слабость, стягивающая мышцы. Тут Анна с накатившим ужасом осознала, что ноги ей уже почти не повинуются. Каждое движение уже давалось ей с трудом, и тело в воде выпрямилось почти вертикально. Окутавшие ноги полы туники мешались все сильнее, а бесформенные рукава, казалось, все норовят заплести руки. Анна уже даже не продвигалась вперед, все ее силы уходили на то, чтобы барахтаться на поверхности. Даже не барахтаться, а трепыхаться. Она снова перевернулась на спину, легла на воду и короткими, экономными гребками постаралась поплыть в сторону острова.

Так было гораздо легче – вода держала ее, и хотя Анну терзало слабостью и болью, страх немного отступил. Она несколько раз приподнималась в воде, высматривая остров, но каждый раз зеленый пальмовый ковер, казалось, оказывался все дальше и дальше. Но в голове шумело все сильнее, виски стягивало тянущими обручами боли, а перед глазами уже прыгали красные и зеленые светлячки. Анна с необычайной четкостью осознала, что еще немного, и она потеряет сознание.

– Жень!

В очередной раз извернувшись в воде, она из последних сил заработала ногами, осматриваясь. Жень видно не было. Еще и оказалось, что она не приближается, а отдаляется от полоски пляжа, сразу за которой начиналась зеленая стена пальм. Пляж отдалялся, это точно, но правее виделась каменная стена – остров лежал на поверхности своеобразной подковой, один из концов которой скалой произрастал в небо.

– Анна! Анна! – услышала она крики.

– Жень! Я здесь! – сразу же откликнулась она слабым голосом, разворачиваясь и хлебнув воды. Забарахтавшись в воде, она вдруг поняла, что теперь не только ноги мешаются ей неподъемной тяжестью, но и из рук уходят последние силы. Сил кричать уже не было, все уходило на то, чтобы держаться на воде.

Они с Женей находились друг от друга меньше чем на десятке метров, но ничтожное на твердой поверхности земли расстояние на воде казалось непреодолимой преградой для Анны. Сделав из последних сил несколько гребков, она с головой погрузилась в воду. И вдруг поняла, что просто не в силах всплыть обратно. Слабо барахтаясь, она пыталась, но... Перед глазами появилась черная, с красным оттенком пелена, грудь стянуло отсутствием кислорода, и она, разумом понимая, что будет только хуже, попробовала вздохнуть. Внутрь хлынула вода, но в этот момент Анну обхватили сильные руки, выталкивая наверх. Она закашлялась, отплеываясь, и, из последних сил цепляясь за воздух, обхватила Женю за плечи.

Парень попытался освободиться, но она сейчас не воспринимала его крики. Единственное, что ей хотелось, – это не дать себе погрузиться обратно в воду.

– Да отпусти ты! – выдохнул в отчаянии Жень, но Анна уже была в полубессознательном состоянии, и управляло ее действиями только животное желание жить. Она еще слышала слова, но уже их не воспринимала.

Ярким очагом боли вдруг взорвалось у нее в левом боку, заставив вскрикнуть и дернуться. Жень, с силой вонзивший ей костяшки пальцев между нижними ребрами, воспользовался моментом, освободившись от пусть и слабых, но цепких в жажде жизни рук, и, в несколько гребков обплыв Анну, обхватил ее сзади, помогая удерживаться на воде.

– Тихо, тихо, не шевелись, все будет хорошо. Все, все нормально, никто не утонет, сейчас я надену тебе спасательный жилет... Да тихо ты! Вот, давай руку сюда, эту сюда... тихо-тихо...

Слова его, с изменяющимся тоном – от убаюкивающего, успокаивающего до резкого, хлесткого, когда он, невольно вставляя ругательства, пресекал ее попытки рвануться, – доно-

сились до Анны будто сквозь вату. Неожиданно ее грудь обняло что-то мягкое, подхватив и выталкивая на поверхность.

– Все, все получилось! – произнес Женя, который парой секунд ранее дернул клапаны спасательного жилета, заставляя его надуться. Сам жилет парень заметил на поверхности воды минуту назад – может быть, это был даже и тот, который он выхватил из-под своего кресла, когда понял, что самолет падает. Выхватил, но надеть не успел. И, заметив желтое пятно, ярко выделившееся на поверхности, не преминул его захватить.

– Э-эй, ты как? – услышала Анна и, понемногу приходя в себя, увидела озабоченное лицо Жени, который держался на воде рядом.

– Нормально, – кивнула она, выдохнув слово одними губами. Но Женя понял. Приблизившись, он ободряюще потрепал ее легонько по плечу, а потом слегка отстранился на расстояние вытянутой руки.

– Не уходи никуда, сейчас вернусь, – произнес он и ушел под воду. Только мелькнули его кеды в том месте, где только что из воды виднелась голова, и на поверхности взвихрился след пузырьков.

Анна едва не вскрикнула, потянувшись за юношей. Она еще не совсем пришла в себя после того, как почти утонула, и его присутствие было тем единственным, что ее успокаивало. Но психологическая встряска с исчезновением Жени слегка привела Анну в себя. К тому же она начала осознать, что спасательный жилет прекрасно держит ее на воде. Приподнявшись, Анна изо всех сил вытягивала шею, осматриваясь по сторонам. И увидела – поодаль по левую руку, напротив лагуны, она заметила на волнах головы людей. Напряженным взглядом Анна всматривалась в ту сторону, ловя мгновения, когда волна приподнимала ее, и была вознаграждена – среди находящихся на поверхности она различила голову Вероники – перед самым вылетом она вновь покрасила волосы, и таких светлых локонов в самолете не было ни у кого.

Группа спасшихся, среди которых Анна увидела и Веронику, плыла к пляжу. Они были в хвосте разбившегося самолета и вынырнули в стороне от того места, где погрузилась кабина, – там, где оказалось не такое сильное течение, которое сейчас относило Женю с Анной. Она попыталась махнуть рукой и крикнуть, но из горла вырвалось только сипение. Да и от резкого движения в виски стрельнуло болью. Когда Анна, переждав несколько секунд ощущения проткнувшего голову раскаленного штыря, открыла глаза и осмотрелась, Жени рядом все еще не было.

Его не было уже долго. Очень долго – сколько времени она уже осматривалась? Можно было перевернуться, попробовать посмотреть вниз, разглядывая там юношу, но Анна не стала – после пережитого только что ей было страшно от одной мысли о том, что она снова с головой окажется под водой.

Женя появился, когда Анна уже всерьез занервничала. Но, вырвавшись из воды, он лишь несколько секунд отдышался и снова нырнул. Здесь уже Анна не смогла удержаться – повернувшись, она погрузила лицо в воду, высматривая, что там происходит. Женя же, проплыв немного вниз, подхватил размытый темный тук и развернулся, заработав свободной рукой и ногами, поднимаясь на поверхность. Через несколько секунд он уже вынырнул неподалеку от Анны и подплыл к ней.

– Держи, – всунул он ей в руку лямку от рюкзака. На несколько секунд, всматриваясь в четкий рисунок черно-зеленой мокрой ткани, Анна вспомнила – с этим рюкзаком Женя сажился в самолет.

– Ага, – только и смогла произнести Анна, сжимая лямку рюкзака.

Несколько минут они вдвоем просто покачивались на поверхности. Женя, закрыв глаза, лег на воду и держался за ее плечо, пытаясь отдышаться. Чтобы спасти Анну, ему пришлось выпустить из рук свой рюкзак, а оставлять на дне его желания не было. Благо глубина здесь была не более трех-четырех метров. Анна между тем, понемногу вновь обретая способность

трезво и последовательно мыслить, глянула на парня – ведь он спас ее два раза. Первый раз – рывком выдернув ее одновременно и из панического ступора, и из кресла, когда салон самолета уже заполнило водой, а второй раз – только что, не дав утонуть.

Наконец отдышавшись, Женя пришел в себя и приподнялся на воде, осматриваясь.

– Нас уносит течением, – произнесла Анна.

Сейчас ей было тяжело не только говорить, но даже глазами шевелить. Даже думать. Настолько сильно ввинчивалась в мозг головная боль, очаг которой горел тяжестью под бровями, давя на глаза. Но она уже почти не обращала внимания на боль, наблюдая за тем, как скрывается из вида пляж лагуны, а его панораму заслоняет скальная высокая изломанная стена, у подножия которой шумел белой полосой прибой.

Глава 10. Остров

– Женья, если нас унесет в океан, то...

– Спокойно, – прервал Анну парень негромко, но уверенно. Повернувшись к Анне, он приподнял рюкзак в ее руке и, работая ногами, удерживая вертикальное положение, попытался открыть молнию.

– Женья, нас уже реально уносит! – сейчас они почти потеряли из виду полоску пляжа, скальная стена продвигалась быстрее – в этом месте течение было гораздо быстрее. И утес, вдоль которого их несло, длинным клыком вклинивался в морскую гладь, обрываясь, а за его краем продолжения берега не было видно – остров заканчивался.

Женья на слова Анны не ответил. Немного покопавшись в рюкзаке, он вдруг извлек оттуда что-то невероятно длинное, ошарашившее Анну ядовитым ярким цветом. И только пару раз сморгнув мусть перед глазами, она смогла сфокусировать взгляд и поняла, что в руке у него черно-зеленые ласты.

– Прикинь, купил перед самым вылетом по скидке, не удержался, – произнес Женья, закрывая рюкзак. – Думал еще, зачем мне это надо, места в рюкзаке и так мало, а вот как чувствовал. Круто, правда?

Женья говорил быстро и часто, привлекая внимание Анны, – он видел, что у нее такое состояние, что она может вот-вот потерять сознание. Даже пару раз она моргала с дрожанием век, под которыми виднелись белки закатившихся глаз. Но каждый раз Анна находила силы, открывая глаза, взгляд которых, впрочем, оставался мутным.

В ответ на его реплику она, поморщившись, кивнула – действительно, круто. Да и рюкзак у Жени с собой был не то чтобы большой, кроме ласт, там мало что могло поместиться, но, видимо, наличием вещей парень не особо беспокоился. В минувшие несколько дней Анна видела его в одних и тех же шортах и кедах. И в двух футболках.

Но кивка Анны нырнувший Женья уже не видел. На некоторое время он скрылся под водой, снимая кеды и надевая ласты. Закончив и убрав кеды в рюкзак, он подстроился к Анне, схватил ее за ворот спасательного жилета и потащил за собой. Она сразу почувствовала, как они плывут. Женья работал ластами довольно активно, иногда резко дергая Анну, отчего у нее под глазами вспыхивали кляксы светлячков боли. Но она старалась не обращать на это внимания; как и на воду, часто попадавшую на лицо, забивавшую нос и рот.

Пару минут прошло в молчании. Женья плыл, Анна по мере сил старалась помогать ему – сжаться, сделаться легче и невесомее. Она посматривала по сторонам и видела, что скала острова становится к ним все ближе – до нее уже было метров пятьдесят, не больше. Еще через минуту Анна услышала, как Женья выругался.

– Что такое? – чуть повернулась она к нему.

– Я не могу выгрести, – сморщился тот, после вполголоса чертыхнувшись. – Действительно сильное течение, нас еще и вон на нее сносит, – кивнул он на скалу.

Сглотнув, Анна посмотрела в ту сторону.

– Там волнения сильного нет, не мясорубка, – проследил за ее взглядом Женья. – Давайте сейчас там на камни выберемся, отдышимся, а там уже посмотрим по ситуации. Всяко лучше, чем если нас в океан унесет.

Анна, приподнявшись и глядя на подножие стоящей стеной скалы, лишь кивнула.

– Поплыли, – развернулся Женья в сторону омываемых волнами камней.

Приблизившись и присмотревшись, Анна поняла, что не все так страшно. Скала острова хоть и стояла отвесно, но перед ней была примерно трехметровая полоса песка и гальки, пусть и изрезанная нагромождением валунов.

– Только не суетись, – заговорил вдруг Женя почти в ухо Анне. – Оседлай волну и вместе с ней выходи. Почувствуй ее – она тебя как рукой поднимет и вынесет, главное момент поймать. Поняла?

– Да, – только и хватило сил произнести Анне.

– Вроде ничего страшного на первый взгляд, но если волной о камни приложит, мало тоже не покажется. Поплыли, я, если что, подскажу, – произнес Женя и заработал ногами.

Совсем скоро валуны, о которые разбивались волны, оказались совсем рядом. Волнение здесь ощущалось гораздо сильнее, чем на открытой воде. Чувствуя, как по мере приближения к берегу волны подхватывают ее, то и дело приподнимая и уверенно пронося вперед на пару метров, Анна начинала всерьез опасаться – удар о камни с такой силой не предвещал ничего хорошего.

Снизу уже виднелось дно, но обманчиво рядом – Анна попыталась встать, но ноги ее скользнули в воде, не зацепившись за твердую поверхность.

– Вот, вот, еще немного... – не замечал ее попыток Женя, с силой сжав за плечо. Ловя момент, он выжидал, понемногу подгребая.

– Почти все... готова? Давай! – потянул он Анну за собой.

Накатившая волна подхватила их, перенесла через несколько покатых валунов, и откатилась назад, потянув за собой. Но Женя одной рукой ухватился за выступавший над поверхностью край камня, а второй еще сильнее сжал руку Анны, не давая волне увлечь ее за собой.

– Сейчас осторожно, может о камни хлопнуть, – только и успел сказать он, как подоспевшая следующая волна подхватила их, вынося на берег. Анна извернулась, вытягивая голову из-под воды, почувствовав под руками крупный, грубый песок, но вдруг ее колено прострелило болью, да такой сильной, что из глаз невольно брызнули слезы. Еще и поднявшийся Женя поволок ее за собой, а она лишь открывала в бессильном крике рот. Удар коленной чашечки о камень был такой силы, что у нее потемнело в глазах. Но Анна нашла в себе силы – приподнялась, припадая на одну ногу, в полусогнутом положении, прихрамывая сделала несколько шагов, держа глазами более-менее ровный валун, облокотилась на него рукой. Она хотела осторожно сесть, но не выдержала – практически рухнула на землю и только сейчас застонала.

– Вы в порядке? – оказался рядом уже сбросивший ласты Женя.

Анна сглотнула, открыла глаза и, встретив внимательный взгляд, лишь кивнула. Сейчас, когда именно в этот момент не надо было бороться за свою жизнь, ее тело расслабилось и каждое движение давалось с невероятным трудом. Кроме этого, в висках и под глазами пульсировали яркие сгустки боли. Женя обернулся, осматриваясь, и сразу же Анна вздохнула и мягко сползла еще ниже, на мокрую гальку. Почти беззвучно застонав, она вытянулась, не обращая внимания на несколько камешков, впившихся в бок, и брызги воды, которыми набегавшие волны то и дело омывали ее ноги. Закрыв глаза, она уткнулась щекой в гальку, открыв рот и стараясь отдышаться. Даже не пытаясь хоть как-то приподнять голову. Ей было настолько плохо, что она отключилась сейчас от всего остального мира, пытаясь хоть чуть-чуть прийти в себя.

Женя между тем прошелся немного по камням и встал на один из валунов. Посмотрев вперед, он убедился, что узкая полоска камней хоть и изрезана многочисленными валунами, но в принципе, по ней можно пройти. Обернувшись и открыв было рот что-то сказать, он увидел лежавшую ничком Анну. Ее поза была неестественна для лежащего человека – задравшаяся почти до талии туника, вытянутые плетью вдоль тела руки. Спрыгнув с валуна, он подбежал к ней и присел рядом.

– Анна, вы в порядке? Анна? – тронул он ее за плечо, наклоняясь и пытаясь заглянуть ей в лицо.

– А? – выдохнула она, с трудом открывая глаза и фокусируя взгляд на лице Жени.

– Вы в порядке?

Зажмурившись, Анна кивнула, поморщилась от впившихся в щеку камешков. После она пошевелилась – повернувшись на бок, не открывая глаз, положила под голову руку, а после чуть согнула ноги в коленях, принимая позу поудобнее.

– Анна, нам надо выбираться отсюда. Скоро прилив, и здесь все может...

– Женья, пять минут, хорошо? – едва слышно прошептала Анна. – Сейчас я в себя приду немного, ладно? Так плохо...

– Ладно, ладно, – кивнул Женья, хотя она глаз так и не открывала. Посмотрев на нее пару секунд, он увидел, что ей не очень удобно в спасательном жилете, и мягко помог ей от него освободиться. Она глаз так и не открыла, только благодарно кивнула. Дышала Анна неглубоко и часто, а лицо ее приобрело пергаментную бледность. Потянувшись за рюкзаком, Женья достал из бокового клапана литровую бутылку с водой – в ней оставалось сейчас меньше трети.

– Анна, – негромко позвал он, подсовывая руку ей под голову и прикасаясь горлышком к ее уже пересохшим губам. Глаза она не открыла, но, почувствовав, что он хочет ее напоить, потянулась к бутылке. Женью и самого мучила жажда. Горло у него пересохло, и губы запеклись от морской соли, но, видя состояние Анны, он представлял, что ей сейчас гораздо хуже.

Когда она напилась, бессвязно поблагодарив, Женья в два глотка, с блаженством, допил оставшуюся воду и убрал бутылку в рюкзак. Пользуясь тем, что Анна лежит с закрытыми глазами, он внимательно ее осмотрел – к счастью, открытых ран, кроме рассеченной губы, не было, но сквозь мокрую, просвечивающую ткань туники на ее боку и плечах, а также на бедрах виднелось несколько кровоподтеков. Покачив головой, он ей искренне посочувствовал – Анна и утром выглядела не ахти, а сейчас и вовсе полуживая. Особенно после того, как чуть не утонула.

Анна по-прежнему лежала на боку с закрытыми глазами, дыша открытым ртом, но уже не так часто, хотя до сих пор неглубоко, рвано. Женья некоторое время всматривался в ее лицо, которое частично закрывали мокрые локоны, а после спустился взглядом ниже – Анна не позаботилась одернуть тунику, которая задралась практически до пояса. Его взгляд как магнитом притянуло крутое бедро, подчеркнутое изгибом талии. Невольно засмотревшись, он уставился взглядом на тонкую полоску белой ткани купальника, выглядывающей из-под скомканной ткани туники. Чуть наклонив голову, Женья скользнул взглядом выше, задержавшись на привлекательном полушарии, обтянутом мокрой тканью. Вдруг его как подтолкнуло, и, почувствовав что-то, Женья посмотрел в лицо Анны и столкнулся с внимательным взглядом. Тут же смутившись, он опустил взгляд и кашлянул, смутившись от этого еще больше. Подняв глаза, он увидел, что Анна пытается подняться.

– Вы в порядке? – быстро подойдя и подхватив ее за предплечье, нейтральным тоном спросил он.

Анна в этот момент вдруг хмыкнула и криво усмехнулась.

– Каким ты вежливым стал, – негромко, чтобы голос не отдавался в голове болью, произнесла она, аккуратно одергивая подол, морщась при этом. Многочисленные синяки и ссадины, полученные при падении самолета, ныли все сильнее. Еще и туника никак не хотела подчиняться – мокрая ткань липла к телу.

– Э... – замялся Женья, даже не зная, что сказать. – Вы простите, просто...

Анна покачала головой и, опустив взгляд, дотронулась до талии, и тут же Женья вспомнил, как ткнул ее именно туда, под ребра, когда она потеряла контроль над собой. Именно в этом месте, под нижними ребрами, сейчас был виден наливающийся серьезный синяк.

«Какая у нее кожа нежная, – мелькнула мысль, – вроде несильно ткнул».

– Анна, извините, я...

– А еще недавно на «ты» называл, – недовольным голосом произнесла она, и вдруг парень увидел в глубине ее глаз пляшущие смешинки. – Брось, – скривилась не очень веселой усмешкой Анна и сказала с искренней благодарностью: – Спасибо тебе, что вытащил.

- Пожалуйста, – просто пожал плечами он.
- Давай выбираться отсюда?
- Пора бы уже. Вам помочь?
- Было бы здорово. Только знаешь...
- А?
- Можешь меня дальше на «ты» называть. У тебя это неплохо получалось совсем недавно.
- Окей, – посмотрев на спутницу, Женя улыбнулся одними глазами.

Он подал Анне руку, и они вместе пошагали вдоль скальной стены. Ей идти было очень тяжело – свои босоножки она даже не помнила, когда потеряла, а босые ступни очень чутко реагировали на острые края камней. То и дело Анна ойкала, изгибаясь, стараясь быстрее перенести вес с одной ноги на другую. Если бы не Женя, который поддерживал ее и не давал упасть, далеко бы она точно не ушла.

Он почти сразу предложил отдать ей свои кеды – отказалась, сославшись на то, что он ее и так почти несет. Постепенно попривыкли – Анна оскальзывалась все меньше, а Женя все увереннее ее поддерживал, хотя идти все равно было нелегко. Небо было затянуто серой пелериной дымки облаков, но температура воздуха была градусов тридцать, если не больше. Немного спасала лишь свежесть прибоя – волны которого разбивались совсем рядом, обдавая мелкой моросью и дуновением моря. Одежда подсыхала неохотно, влажно облепляя тела.

Минут за пятнадцать Анна с Женей преодолели пару сотен метров, обходя большие скальные обломки, перелезая через валуны. Один раз им пришлось, обходя выдающийся в воду каменистый клык, спускаться в небольшое углубление с водой, куда то и дело накатывали волны. Но, обойдя его, спутники оказались на краю изгиба скалы и увидели лагуну. Зрелище было невероятно красивым – даже несмотря на то, что над островом встала рваная шапка тяжелых облаков, закрыв солнце и придав всему сероватый, сумрачный оттенок. Но даже в отсутствие яркого солнца играло красками лазурное море, окаймленное полоской пляжа белого, лишь с легкой желтизной песка, над которым возвышалась неровная стена зеленого леса, опоясывающая подковообразный пляж острова. Противоположный край подковы тоже находился у скальной плиты – Женя и Анна видели, как пенятся волны с той стороны. Но высокого утеса, подобного тому, у подножия которого они сейчас стояли, там не было. Лишь покрывало тропического леса, из которого то тут, то там выглядывали пальмовые листья незнакомых, неродных взгляду очертаний.

- Анна, смотри, – чуть сжав ее плечо, показал Женя ей в сторону центра пляжа.

Присмотревшись, она заметила несколько фигур. Но, сколько ни присматривалась, различить, кто именно, не смогла – вдаль она видела достаточно плохо.

– Женя, я не вижу. Кто там, скажи, пожалуйста? – подрагивающим от напряжения и болезненной усталости голосом спросила она. Парень внимательно глянул на спутницу.

– У меня и так зрение не очень – на машине в очках езжу, а сейчас совсем беда, – пояснила ему Анна.

– Вижу Нику, еще эту, Ольгу, вроде бы и еще двоих, кто точно – пока не разобрать. А, здоровый этот, Гера, а второй высокий, как жердь, не знаю, как зовут, – чуть позже добавил Женя, перечислив всех, кого заметил на песке пляжа.

Анна не сдержалась и выдохнула облегченно. Она хоть и видела на волнах Нику, которая плыла в сторону пляжа, но очень сильно волновалась. А вдруг ошиблась? А вдруг показалось? А вдруг не доплыла?

– Может, поднимемся и поверху пройдем? – спросил Женя, внимательно осматриваясь по сторонам. Они со спутницей стояли у подножия скалы, уже полого поднимавшейся за их спинами вверх, а перед ними был довольно крутой склон метров в двадцать, наверху которого сочно колыхались зеленью широкие листья деревьев.

– Да, давай. Пять минут только, дай передохнуть, – Анна поморщилась и, держась за руку Жени, присела.

– Как думаешь, скоро нас найдут? – шепотом спросила она, с силой зажмурившись. Потом, подняв руки, надавила на глаза, будто бы пытаясь загнать боль внутрь.

– Ну, пока хватятся – что самолет обратно не прилетел, пока сообразят, думаю, уже сегодня к вечеру нас заберут. Должны.

– Мы же не туда летели, сам говорил?

Женя вздохнул и помотал головой, задумавшись.

– Если этот мутант угнал самолет, – начал он, разговаривая больше с самим собой, – значит нас, возможно, найдут не так быстро. Вообще, по идее в самолете радиомаяки должны быть. По идее... Но, даже если и не найдут сразу... – покачал он головой, сделав паузу. И почувствовал, как напряглась Анна. Хотя она и поникла, привалившись к камню, при этих его словах почувствовалось ее повышенное внимание.

– Даже если нас будут искать не там, где надо, мы сами найдемся. Не волнуйся – даже если этот остров необитаем, то по-любому или туристы приплывут, или экскурсия, или рыбаки. Здесь найти необитаемый остров сложнее, чем девственницу в публичном... прости, увлекся. В общем, все в порядке будет. Просто потерпеть немного надо.

Анна головы не подняла, но Женя заметил, как она едва кивнула. Постоял немного, осматриваясь по сторонам, то и дело глядя в сторону пляжа. Несколько раз провел ладонью по плечам, чувствуя влажную прослойку пота, – воздух был тяжелый и спертый, будто в сауне, и на лбу и шее у него россыпью набухали маленькие капельки. Еще раз проведя рукой, вытирая лоб, он посмотрел на Анну. Той тоже было жарко – как раз в этот момент она тяжело вздохнула и тяжело перевернула голову. До этого, пока они шли, ей хотелось только одного – остановиться, сесть, закрыть глаза и расслабиться; но стоило ей присесть, как все тело потянуло, дышать становилось все труднее. Теперь ей хотелось закрыть глаза и очутиться в гостиничном номере с кондиционером, забыв все как страшный сон. Закрыть глаза получалось, а вот очутиться в гостиничном номере нет. Еще с закрытыми глазами Анну начинало мутить – живот неприятно тянуло, а в горле угнездился несглатываемый ком и привкус желчи.

Ливень, как это бывает в тропиках, обрушился неожиданно, без предварительной мороси. Просто капнуло раз, другой, и с неба обрушилась стена воды. Женя запрокинул лицо, ощущая, как крупные капли, разбиваясь, стекают по нему вниз.

Анна пошевелилась и, подняв голову, все еще с закрытыми глазами начала слизывать с губ капли. Только сейчас она поняла, как ей хочется пить. Недавние несколько глотков не особо помогли – горло тянуло сухими тисками. Анна даже приоткрыла рот, пытаясь поймать как можно больше крупных капель.

Воды вокруг было нереально много, но как ее собрать?

– Пить будешь? – услышала Анна голос Жени.

Выпрямившись, она увидела, что он стоит перед ней на коленях голый по пояс, и широко распахнула глаза, не сразу поняв, в чем дело.

– Пить хочешь? – переспросил он и, увидев утвердительный кивок, вытянул вперед руки: – Давай, подставляй. Вот так сделай, – увидев непонимание, он соединил ладони лодочкой.

Все еще не понимая в чем дело, Анна сделала, как ей показывали, а Женя выжал ей в ладони свою футболку, напитавшуюся дождевой водой. Крупная струя воды появилась из перекрученной ткани, и часть ее оказалась в ладонях у Анны. Она сразу же подняла руки и сделала глоток, ловя капли у себя в ладонях.

– Еще? – поинтересовался Женя, раскидывая шире на руках свою снятую футболку и ожидая, пока она вновь напится водой.

Когда Анна напилась, они поменялись ролями, и теперь уже она отжимала ему футболку в подставленные руки. Напившись, они полностью наполнили бутылку. Женя выжимал свою футболку, а Анна подставляла ладони черпачком, стараясь, чтобы как можно больше воды попадало в узкое горлышко.

Минуло примерно четверть часа. Дождь все лил, и мокрые насквозь Анна с Женей уже начинали замерзать. Увидев, как Анна легко дрожит, Женя придвинулся, прислонившись к ней плечом, – он не решился ее обнять, но хотел хоть как-то помочь согреться своей неважно выглядящей спутнице. Та на прикосновения не отреагировала – так и сидела, оплетая руками колени и спрятав лицо.

Еще несколько минут Женя смотрел в спутанные пряди черных волос на затылке, после чего все же положил Анне руку на плечо, а чуть погодя обхватил второй. Прижав Анну к себе, он неожиданно почувствовал жар от ее тела.

– Анна... – позвал он негромко. Но с первого раза она не откликнулась, пришлось повторить.

– Как ты? – поинтересовался Женя, когда Анна подняла глаза, подернутые мутной, болезненной поволокой. – У тебя температура, – произнес он, глядя в зеленые глаза.

Веки Анны опустились – она отреагировала, соглашаясь. Голова у нее болела так, что лишний раз шевелиться не хотелось, а все тело уже ломило болезненной слабостью. Еще минут десять они в обнимку просидели под проливным дождем, после чего тот кончился так же внезапно, как и начался. За несколько минут пелена облаков на небе слегка разошлась, и кое-где даже сквозь серую дымку стала заметна голубизна неба. И даже сквозь облака вновь чувствовалось тепло жарящего сверху солнца.

– Анна, пойдем понемногу? – спросил Женя, чуть тронув спутницу за плечо.

Кивнув, она, морщась от слабости, начала подниматься. Первые шаги давались с невероятным трудом – и так все тело болело, тянуло, саднило, а после перерыва, проведенного под дождем без укрытия, казалось, что мышцы набиты ватой, отказываясь подчиняться. Еще и ступни, непривычные к прогулкам по камням, отдавались болью под тяжестью тела. Женя по мере сил помогал Анне – и через некоторое время они смогли преодолеть самый трудный участок – довольно крутой подъем, усеянный скальными обломками и пучками сухой травы, больно впивающейся в ноги.

Поднявшись на край склона, оба, не сговариваясь, остановились, разворачиваясь, – отсюда панорама бухты просматривалась еще лучше. Взгляд Жени скользнул вверх, вдоль поднимавшегося вверх дальше склона, где виднелась пологая, свободная от деревьев вершина скалы, и дальше вниз, по зеленому покрывалу джунглей.

– Остров, – негромко произнес Женя с сожалением. Никаких построек, причалов или иных признаков цивилизации видно не было.

– Остров, – выдохнула вслед за ним Анна.

Глава 11. Евгений

– Пойдем? – кивком указав в сторону пляжа, поинтересовался Женя. – Только осторожно, под ноги смотри, – чуть выставил он вперед руку. – Здесь всяких тварей наверняка много водится.

Отойдя с каменистого уступа, спутники углубились в лес и двинулись под уклон, направляясь в сторону пляжа. Здесь, под сводами высоких пальм, пахло теплотой прелой земли, устланной гниющими листьями. Было душно и влажно, но идти было легко – высокой травы не было, лишь мягко пружинил под ногами темно-коричневый ковер.

Женя внимательно смотрел под ноги, опасаясь местной живности, и один раз принял чуть в сторону, увидев мелькнувший в траве хвост змеи. Но посматривал он и на Анну. Ей было заметно тяжело. Под глазами выделялись темные круги, загоревшее за несколько проведенных в Паттайе дней лицо приобрело сероватый оттенок, который заметно контрастировал с обгоревшей кожей плеча, открытого сползшей в сторону тканью туники. Анна не жаловалась, но было видно, что двигается она на автомате – ноги ее уже понемногу начинали заплетаться, а глаза были полуприкрыты.

– Стой, – придержал ее Женя и, подняв ее безвольную руку – Анна практически неотреагировала на прикосновение, – надел ей на спину свой рюкзак. Открыв его, достав оттуда ласты и трубку с маской, он положил их под приметным валуном. Машинально оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что никого, способного посягнуть на его вещи, рядом нет, он, повернувшись к Анне спиной, чуть присел. – Давай, залезай, – произнес Женя, и она машинально положила руки ему на плечи. И едва не вскрикнула, когда он, присев, поднялся, резким движением вскинулся, захватывая поудобнее руками ее ноги.

– Все в порядке? – с беспокойством в голосе произнес Женя.

– Голова болит, – негромко ответила, подавив стон, Анна, у которой под глазами взорвалось несколько раскаленных шаров от резкого движения парня.

– Прости, – произнес он, поводя плечами, уже аккуратнее перехватывая ноги Анны и крепко обхватив крест-накрест запястья.

– Не парься, – шепнула Анна, вытянув вперед лежащие на плечах Жени руки, стараясь удобнее пристроить голову.

Так, неся Анну на закорках, Женя и прошел весь пологий спуск к пляжу. Уже в середине спуска он начал уставать. Пот заливал глаза, и его никак было не вытереть – руки были заняты, а тревожить Анну ему не хотелось. Спустившись, ему пришлось двигаться осторожнее – здесь, внизу, деревья стояли не так плотно, было много кокосовых пальм, а на земле росла высокая, едва не до колен, трава. Внимательно смотря под ноги, Женя миновал зеленую полосу и вышел на песок пляжа. Он уже тяжело дышал, но не собирался отпускать Анну – решил, что только когда донесет ее до места, там и отдохнет.

Его заметили издалека. Навстречу выбежали Антон с Георгием, помогли, подхватили Анну на руки. Мелькнуло перед глазами озабоченное лицо Ольги. Все что-то говорили, но Женя просто не слышал, пытаясь прийти в себя. Его усадили на подстилку из пальмовых листьев, и несколько минут он просто сидел, отходя. После чего люди вокруг как-то рассредоточились, и рядом осталась одна Ольга, сидевшая рядом с Анной.

Приподнявшись, Женя взялся за лямку рюкзака, осматриваясь. Взгляд его скользнул по костерку, по подготовленным наскоро циновкам, по нескольким валяющимся кокосам, два из которых были разбиты, осколки белели мякотью.

На пляже, кроме них с Анной, было еще четверо спасшихся. Кроме Ольги, рядом, неподалеку сидела Вероника, привалившись спиной к широкому стволу и закрыв глаза, а поодаль под тенью соседней пальмы стояли Антон и Георгий, что-то вполголоса обсуждая. Они были

разительно непохожи – высокий и худой, интеллигентного вида Антон и ниже его на голову, но раза в два шире в плечах Георгий, грубоватый и порывистый в словах и поступках.

– Вода есть? – поинтересовался Женя, подняв голову, оглядывая присутствующих. Спросил негромко, но услышали все. По жаждающим взглядам, которые все как один вперились в него, понял – воды нет. Кивнув, он открыл рюкзак и достал оттуда литровую бутылку.

– Ой, Женечка, какой ты молодец! – воскликнула Ольга, принимая у него бутылку, тут же крепко ухватившись за нее.

– Ты будешь пить? – поинтересовался Женя у Анны, увидев движения ее век при слове «вода». Она кивнула, подалась вперед, и Женя помог ей, подхватив под плечи, а Ольга, свинтив пластиковую крышку, прислонила горлышко бутылки сначала к губам больной. Анна выпила немного, пила мелкими глотками и откинулась обратно на подстилку.

– Какая горячая, – прошептал Женя. Он помогал Анне, поддерживая ее за плечо, и сейчас посмотрел в глаза Ольге, чувствуя через ткань туники жар от тела. Ольга кивнула, подняла воду, держа бутылку двумя руками. Взгляды остальных спасшихся нет-нет, но то и дело цеплялись за бутылку в ее руках.

– Только давайте понемногу, чтобы Анне осталось, – произнесла она.

– Ты где воду взял? – в этот момент резковато спросил Георгий у Жени.

– Там, – ткнул тот пальцем в небо, но, встретившись со взглядом Георгия, в глазах которого полыхнуло неприкрытым раздражением, не стал накалять обстановку, добавив: – Дождь шел, одежду мочили, выжимали прямо в бутылку.

Судя по взглядам остальных, до такого здесь, на пляже, никто не додумался.

– Пусть девушки попьют нормально, а мы по глоточку – так-то потерпеть можем до следующего дождика, – произнес Георгий и в молчаливом согласии кивнул Ольге. Она, сдавленно сглотнув, осторожно приникла к бутылке. Было видно, что, как только вода попала ей в рот, она подалась вперед – тело отреагировало само, не желая удовольствоваться малым, но женщина сумела справиться с собой, сделав всего пару глотков.

– Вероника, – произнес Георгий, вставая и подходя к девушке. Она, заворожено глядя на бутылку, приняла ее и приложила к горлышку. Но Ника не сумела справиться с собой, да и не хотела – она сделала не один-два, а гораздо больше глотков, не отрываясь.

Заметили все – кроме Анны, которая от выпитой воды и спокойного, лежачего положения получила подпитку жизненными силами, но так и лежала не открывая глаз. Заметили несдержанность Ники все, но не отреагировал никто – каждый оставил свои мысли при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.